

Евгений Худяков

РАЙ СОЦИОПАТА

18+

Евгений Худяков

Рай социопата. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Худяков Е.

Рай социопата. Сборник рассказов / Е. Худяков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

8 новелл о современном обществе, погрязшем в потреблении, религиозных догмах и тупых телешоу. Взрослея, не многие из нас сбросят розовые очки и поймут, что люди вокруг не такие добрые, какими их рисовали в советских учебниках. Алкоголь заменил нам свободу, а старые хрущевки стали последним прибежищем в мире, где каждый сам за себя.

Содержание

Рай социопата	5
Перезагрузка Киры	20
Семья из рекламы майонеза	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Худяков

Рай социопата. Сборник рассказов

Рай социопата

Утро. Солнечный свет пробился на мою кровать, его обжигающие лучи ослепили глаза сквозь закрытые веки. Я повернулся на бок и спрятал голову от солнечного света пододеяльником. Лежал в темноте и очень хотел снова заснуть, но уже не получалось: в комнате было невыносимо жарко и душно. Окна были закрыты, и тому была своя причина – люди: невыносимые, бестолковые людишки, которые не могут спокойно лечь спать, предпочитая этому бесцельно бродить по дворам или сидеть на лавках под моими окнами. Они громко болтают и противно хохочут своими гадскими прокуренными голосами. Кроме пьяных компаний ночную тишину постоянно нарушают лающие дворняги, школота с петардами и всякие дураки, гоняющие на мопедах без глушителей. От всего этого еще и срабатывают сигнализации на машинах, – спать становится невозможно. Под раннее утро, когда, казалось бы, должен наступить долгожданный покой, на всю округу начинают галдеть между собой дворники и приезжает мусоровоз. Мусорные контейнеры находятся аккурат под моим окном, и каждый день, будь он выходной или рабочий, ровно в шесть утра к ним подъезжает старый «ГАЗ» и разрывает утреннюю тишину противным ревом и громоханием.

Всякий раз я засыпаю с открытым окном и встаю среди ночи, либо под утро, чтобы его закрыть, когда уже нет больше сил терпеть пробуждения от шума. Давно пора было бы установить кондиционер, но смущает перспектива часто болеть. Таков уж мой организм: стоит побыть рядом с кондиционером больше часа – и насморк обеспечен.

Поэтому я не люблю лето. В это время года ночью становится невыносимо спать в душной комнате, а улицы города круглыми сутками заполнены людьми. Все постоянно на тебя

смотрят, громко кричат, да и толпы шептунных детей вечно носятся по дворам. И днем и ночью эти человеческие стаи куда-то спешат, собираются в компании, галдят, громко смеются. Особенно подростки, – те еще дурачины. Бесплезные трутни: ничего не производят, ничем не занимаются, – только шастают бесцельно по улицам, пишут на стенах, раскидывают мусор и бьют стекла. Сам таким был когда-то. Помню. От того и сержусь.

Еще раздражает, когда люди плюются: смачно и громко, звучно собирая перед этим во рту мокроту. Идешь по своим делам, улыбаешься солнцу, в душе начинает раскрываться хорошее настроение, а тут вдруг рядом с тобой слышится подготовительное кряхтение и... «тьфу!» Вот они – настоящие мужики: лица грозные, вечно пьяные, плечами при ходьбе машут, харкаются направо и налево. Такое чувство, что они работают на публику, стараясь харкать в присутствии других людей как можно громче. Быдло мужского рода, таким образом, словно самоутверждается, как будто его втягивание соплей, звучащее на всю улицу, и следующий за этим звучный плевок заставляют окружающих задуматься: «Ого! Да рядом со мной самый настоящий брутальный альфа-самец!» Все мужчины разом начинают бояться его, а женщины поголовно готовы отдаться. Думаю, именно такой реакции каждая быдлятина и ждет от окружающих.

Многие люди, находясь в общественных местах, орут во время разговора. Не беседуют, а именно орут, так, словно у них проблемы со слухом. Часто при этом они используют нецензурные выражения. Я и сам часто матерюсь, но в личных разговорах, а не на всю округу. Бывало у вас такое? Стоите вы на остановке или в очереди, в общем, там, где вынуждены находиться и не можете просто уйти, а рядом крутятся несколько необразованных олухов и хриплыми мерзкими голосами беседуют о какой-нибудь их общей знакомой Клаве, вставляя в свои диалоги матершину через каждое слово. Весьма неприятно. И окружающие привыкли к этому, потому что сами такие же: орут, харкаются, пьют до тошноты и считают все это нормой. Бесят!

Еще одно из любимых летних занятий быдла – засорять своим присутствием парки и лесные массивы. Они сидят там с утра до ночи, жарят шашлыки, распивают дешевую водку, ржут и орут на всю округу. Там же пляшут и орут матом их пьяные, толстые жены, а глупые дети, которых они повсюду за собой таскают, берут с них пример. Все эти любители кемпинга оставляют после себя горы мусора и битого стекла, – и это поведение одобряет общество. «Коньячок под шашлычок – вкусно очень».

Что касается меня, то я охотник-любитель. Один или два раза в год выбираюсь на природу, где отдыхаю от людей и создаваемой ими суеты. Все остальное время я вынужден проводить в городе. Чертова работа! Вот такой я человек, нравится вам это или нет. Мне самому порой не нравится. Был бы таким же, как все, – жил бы счастливо и горя не знал. Бутылка водки, красный нос, дачка с мангалом да сериал по зомбоящику, – что еще нужно?

Вот почему я не люблю теплое время года. Исключением являются дождливые дни, особенно грозы в мае. Как затянется на всю ночь, – спишь спокойно, ни одного орущего маргинала на улице нет. Во время зимних морозов все ждут лета: «Быстрее бы весна, скорей бы солнышко». А мне нравится зима. Это единственное время года, когда я могу спокойно спать по ночам, не слыша под окнами крики пьяного быдла.

Я не люблю людей, наверное, потому, что всякий раз ожидаю от них чего-то большего: воспитанности, взаимопонимания, стремления стать лучше. Мне бы хотелось, чтобы люди учились критически мыслить и перестали жить навязанными предрассудками. Но человечество не оправдывает моих надежд, все продолжая и продолжая деградировать. Таких, как я, тоже не любят. Что ж, взаимно.

Вы сейчас пытаетесь представить, да кто же я такой и чем так обижен на жизнь? Да обычный человек, такой же, как и вы, как ваши соседи, родственники и остальные шесть миллиардов, живущие на планете. Зовут меня Игнат, возраст недавно перевалил за тридцать, телосложение среднее, но ближе к плотному, – живот слегка раздуло. Внешность не противная, но и

на роль голливудского красавчика не претендую. Усов нет, бороду не отращиваю. Остальное домыслите сами. Какая разница, как я выгляжу? Даже имя мое в этой истории не будет иметь никакого значения.

Итак, утро. Прищурился один глаз, я нехотя поднялся с кровати и открыл нараспашку створку пластикового окна, а затем задернул шторы. В комнате стало темнее, а с улицы неспешно начал пробираться свежий ветерок. Для крупного города, в котором я живу, этот воздух вряд ли можно было бы назвать свежим, но духоту, заполнившую квартиру, он все же разбавлял. Я снова лег в кровать, пытаюсь заснуть, но организм уже не хотел спать. Лениво провалявшись еще около получаса, я поднялся на ноги, размял шею и отправился в душ. Суббота – спешить было некуда.

Когда я привел себя в порядок и позавтракал, был уже полдень. Чем себя занять, я не знал. Решил полистать социальные сети в смартфоне, но интернет предательски не хотел работать. Давно уже пора было сменить оператора связи, в последнее время с ним постоянно были какие-то неприятности. Видеть никого не хотелось, я решил провести этот день дома.

Мне неоднократно приходила в голову мысль завязать с пивом и курением, которые в последнее время стали занимать практически все мое свободное время. Давно хотел начать заниматься спортом и вошедшим в моду «саморазвитием». Я живу для себя, ни от кого не завишу – вот и буду создавать нового человека: спортивного, подтянутого, уверенного в себе. Пора бы уже было и женщину привести в свое холостяцкое логово, хотя бы на время.

Я решил не откладывать задуманное и начать новую жизнь незамедлительно. Для начала сделал уборку. Перемыл наконец-то гору сваленной на кухне посуды, собрал разбросанные вещи, пропылесосил всю квартиру и протер пыль. Учитывая, что я страшный перфекционист, уборка заняла у меня почти три часа, но труды не прошли даром, – я был удовлетворен проделанной работой, приведя квартиру в идеальный порядок.

Я решил также начать худеть, поэтому отказался от обеда и достал с балкона старые гантели и штангу. При помощи нехитрого спортивного инвентаря я выполнил упражнения практически на все группы мышц, согласно старой брошюре по бодибилдингу. Убирать спортивные снаряды на балкон не стал – оставил в комнате.

Почти два часа занятий меня приятно утомили. Я покрасовался перед зеркалом, демонстрируя самому себе бицепсы, которые, как мне казалось, уже от одной тренировки хорошенько надулись. Тело, конечно, не дотягивало до идеала, было еще над чем поработать, главное – не останавливаться. Отныне тренировки каждый день; ну, или через день. Осталось повесить турник. Все, что нужно для занятий, у меня будет дома. Зачем ходить в спортзал, чтобы толкаться там с потными накаченными нарциссами? Терпеть их не могу! Что за привычка – все делать не наедине с собой, а в кучке себе подобных? Стадное чувство. Ведь можно заниматься дома, для этого не обязательно иметь двадцать тренажеров и личного фитнес-тренера с бритыми ногами в обтягивающем трико.

После оценки достигнутых физкультурных результатов я снова сходил в душ, так как сильно вспотел. Занятие спортом меня морально подбодрило. Теперь было самое время заняться интеллектуальным саморазвитием. Захотелось что-нибудь почитать. В антресоли было множество старых книг, среди которых я стал выбирать что-нибудь для приятного вечернего чтения в тишине, под чашечку крепкого чая. На выбор было много художественной литературы, в основном классической, но читать ее не хотелось. Как-то все это банально – погружаться в выдуманные столетия назад истории про всяких дворян да крестьян, и бессмысленные страсти между ними. В жизни это никогда не пригодится. Вникать в проблемы героев этих классических драм – лишь еще глубже загонять себя в уныние. Меня всегда удивляли фанаты классической литературы, романтизирующие дворянский быт прошлых веков. Кучера развозят дам в париках на светские балы, они там танцуют полонез с господами, и начинаются придворные интриги, любовные линии... Погруженным в этот воображаемый мир царской аристо-

кратии, людям приходится рано или поздно возвращаться в реальность: они выходят из своих квартир и попадают в «Мордор», где повсюду мат, пьянство, наркомания, бандитизм и человеческое бескультурье. И как жить в этих двух мирах, не став шизофреником? Таким образом, я решил отказаться от классиков и выбрал книгу с собранием научных работ Зигмунда Фрейда. Да, всегда хотел ознакомиться с его нашумевшим психоанализом. Слышал, что для многих его работы являются объектом споров. Все его знают, везде упоминают, но практически никто не читал. Стоит это исправить.

Время за чтением пролетело незаметно, не смотря на то, что не всегда было интересно. Спустя пару часов я почувствовал себя гуру психиатрии, хотя и половины не понял из того, что прочитал. Все-таки Фрейд, как мне кажется, был странным малым, и как использовать опыт его практических наблюдений за психологией бессознательного в реальном общении с людьми, для меня оставалось непонятным. Я понял, что людьми управляет «супер-эго» – низменные врожденные инстинкты, удовлетворяя которые, человек становится счастливым. Но есть один нюанс, – от этого могут стать далеко не счастливыми окружающие его люди. Как бы найти эту золотую середину, когда человек сможет удовлетворять свои потребности, не мешая другим? В полной мере такую модель вряд ли удастся построить. Что хорошо одним – то обязательно плохо будет другим!

Пока я ужинал, на улице стемнело, и я решил выкурить сигарету, первую за день. После нескольких часов штудирования Фрейда наверно даже некурящий захотел бы сделать затяжку. Решил бросать не сразу, а постепенно, как делал уже много раз, правда, – безуспешно. На балконе было свежо и прекрасно. Летний теплый вечер. Полумрак дворовых фонарей, приятный ветерок. К удивлению, на улице было очень тихо, безлюдно.

День вообще прошел прекрасно: никто не сверлил стены, как это обычно бывает по субботам; никто не звонил по телефону, предлагая поучаствовать в соцопросе; никто не ломился в дверь, чтобы продать картошку, поменять счетчики воды или поговорить о боге. Хотя, недавно я отключил дверной звонок и совсем забыл об этом. Может поэтому никто и не беспокоил. И это прекрасно. Никаких смартфонов, никакого телевизора, никаких людей. Чудный день. Я провел его в тишине и, главное, с пользой для себя.

Докурив сигарету, я щелчком пальца отправил окурок вниз, вернулся в квартиру, почистил зубы и лег спать, оставив открытыми все окна. Во дворе сегодня никто не сидел на скамейках, и сигнализации на автомобилях не пищали. Чудесная ночь, даже соседи умолкли: никто не включал музыку и не пел караоке.

На следующее утро я проснулся довольно рано. Настроение было свежим, прекрасным, день – солнечным, и я решил поехать в парк, прокатиться на роликах. Хоть я и любил сидеть дома, но делать это второй день подряд показалось скучным.

Я быстро позавтракал, вышел из квартиры и вызвал лифт. По закону подлости в нем должны были находиться какие-нибудь соседи сверху. Мне всегда везет на них. Каждый раз, когда жду лифт, приезжает не пустой. А потом, по пути, еще несколько раз на этажах останавливается. Когда в лифте один человек, я все же захожу, но если двое или трое, – делаю вид, что кого-то жду и прошу ехать дальше. Не понимаю людей, которые заталкивают свои тучные тела в маленький лифт, в котором уже кто-то едет. При этом, они часто покашливают, кряхтят себе под нос и после этого выдают что-нибудь вроде: «Потеснимся немножко, а? В тесноте, да не в обиде, хе-хе-хе». Придурки. Что за нездоровое стремление прижаться к кому-нибудь, тем более к незнакомцу? Порой, проще по лестнице спуститься.

На этот раз мне повезло. Лифт пришел пустой. Кроме того, он был на удивление чист. Со стен пропали маркерные надписи, оставленные когда-то глупыми подростками, а пол был тщательно вымыт и даже очищен от некогда прилипших к нему жевательных резинок. Видимо, не я один накануне производил капитальную уборку.

Без нежелательных попутчиков я благополучно спустился на первый этаж и вышел на улицу. Летний солнечный свет резко ударил в глаза. Я прищурился, прикрыв лицо рукой, словно вышел из темной пещеры, в которой провел много времени.

Во дворе дома, среди припаркованных автомобилей, стоял мой старый «Форд». В багажнике лежали роликовые коньки, купленные мной еще по весне; вот они и дождались своего часа.

Выехав со двора, я оказался на проезжей части, которая обычно бывает очень оживленной, но в тот день все было по-другому. Во дворе и на парковочных местах вдоль улицы стояли автомобили, но по дороге никто не ехал. Улица была пуста. Меня это слегка удивило, но удивило приятно. Когда еще проедешь на машине по совершенно пустой улице? Ведь в наше время пробки даже ночью перестали быть редкостью. Мне пришла в голову мысль, что дорогу могли перекрыть в связи с каким-нибудь марафоном, праздничным шествием или велопробегом. В этом случае мне бояться было нечего: я законопослушно выехал со двора, никто меня не останавливал, запрещающих знаков я не видел.

Набирая скорость, я проехал около километра и, к своему удивлению, так и не встретил ни встречных, ни попутных автомобилей. Что было более странным, я не увидел и ни одного человека. Необычно, словно город вымер.

По пути в парк находился торговый центр. Решив купить с собой воды, я свернул и остановился у центрального входа на одном из парковочных мест, обозначенных знаком инвалида. Меня всегда раздражало, что у всех торговых центров парковочные места обозначены этими знаками. Я ни в коем случае не против инвалидов и считаю эти места для них однозначно необходимыми, – но почему их всегда так много? Если все инвалиды-автомобилисты в городе одновременно приедут в этот дурацкий торговый центр, – выделенные места для них все равно останутся. Не знаю, как вы, а я каждый раз наблюдал на этих инвалидных парковках лишь дорогие внедорожники, из-за руля которых выходили здоровенные детины, явно не имеющие никаких проблем со здоровьем.

Передо мной открылись стеклянные автоматические двери торгового центра. Он был пуст. Магазины, витрины, эскалаторы, – все это было на месте, но в холле торгового центра, окутанном полнейшей тишиной, не было ни единого человека. Я прошел вдоль вестибюля в сторону продуктового супермаркета, но и там не встретил ни одной живой души.

Первое, что мне пришло в голову, – жителей города эвакуировали. Мало ли, что могло случиться: какая-нибудь авария, выброс токсичных отходов или радиации, угроза авиаударов. Но почему я здесь? Если была эвакуация, я обязательно бы узнал об этом. Ведь должны же были обзванивать квартиры, включать сирену, объявлять в громкоговорители... Может, я крепко спал? Весь город разбудили, а меня нет? Бред.

Быстрым шагом я покинул торговый центр и сел в машину. С пробуксовкой выскочил на дорогу. Набирая скорость, я мчал по пустынным улицам города. Тело начало потряхивать от испуга, по рукам пробежал тремор. Я курил одну сигарету за другой, уже забыв о том, что решил бросить эту пагубную привычку. Покатавшись по пустынным улицам и выкурив три сигареты подряд, я развернулся в сторону выезда из города и надавил педаль в пол. Версия о срочной эвакуации, которую я каким-то необъяснимым образом мог пропустить, была последней надеждой на то, что я не сошел с ума.

Вот я и покинул город; шоссе было пустым. Я разогнал автомобиль до максимальной скорости: беспокоиться о штрафах уже не имело никакого смысла.

Я мчал вдоль трассы уже около часа и проехал более ста километров, но дорога была все также пуста. Лампочка на приборной панели оповещала о том, что топливный бак опустел. Впереди была автозаправочная станция. Я сбавил скорость и припарковался возле одной из колонок. Машин не было, людей – тоже. Теплый ветерок теребил листву лесополосы, окружавшей бензоколонку.

Я вставил заправочный пистолет в горловину топливного бака, выбрал на панели управления колонки дизельное топливо и запустил его подачу. Зашумел насос, и раздались плески льющейся под напором солярки. Колонка работала, и это меня сильно обрадовало, – хотя бы не застряну на дороге посреди леса.

Пока топливо заполняло бак, я зашел в павильон автозаправочной станции. Внутри находился мини-маркет с кофейней возле касс. Стеллажи в зале пестрили богатым ассортиментом напитков, закусок и разного рода автомобильных аксессуаров. Не хватало только людей. Эвакуация, видимо, затронула большой периметр. Оставалось выяснить, почему все разбежались и где теперь прячутся.

На некоторое время я немного успокоился и, зайдя за стойку кассы, где располагалась кофемашина, сделал себе стаканчик латте в дорогу. В кассовых аппаратах наверняка были деньги, но кроме кофе я не стал больше ничего брать, решив, что мои действия снимают висящие под потолком видеокамеры, и в ближайшем будущем, когда все это закончится, с меня могут спросить за воровство. К тому же, возможность украсть деньги или шоколадки с жвачками меня в тот час мало радовала, – хватало других забот.

После заправки авто я двинулся дальше. Ароматный кофе меня приободрил. На пути у меня оказалась деревня с домами по обе стороны дороги. К тому времени я порядком устал и решил остановиться, а заодно и проверить, не осталось ли здесь кого-нибудь из местных жителей.

В округе царил тишина. Я подошел к калитке одного из участков, огороженного высоким забором из зеленых стальных листов. Дверца оказалась открыта. За ней распростерлась ухоженная лужайка с цветочными клумбами и небольшой детской площадкой. Металлическая входная дверь трехэтажного кирпичного особняка также оказалась не запертой. Я вошел внутрь. Стены в доме были аккуратно обшиты вагонкой, пол из досок – лакированный и идеально ровный. На первом этаже располагалась прихожая, кухня, ванная с туалетом, детская комната и отдельная спальня. На кухне работал холодильник, в котором оказалось много свежей еды. От центра прихожей уносилась ввысь деревянная лестница. На втором этаже я обнаружил рабочий кабинет и вторую спальню, а также выход на террасу; на третьем оказалась мансарда с бильярдным столом, двумя диванами и караоке. Мебель и предметы интерьера были на местах. Все выглядело так, словно хозяева только что сделали уборку и куда-то ушли.

Зайдя в спальню на втором этаже, я рухнул на застеленную пледом двуспальную кровать. Лежал несколько минут, смотрел в обшитый дощечками потолок и слушал тишину, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, хоть чье-нибудь присутствие в округе. Но в тишине, кроме своего собственного дыхания, больше ничего не слышал.

Немного отдохнув, я вернулся в свой автомобиль и поехал дальше. Периодически поглядывал на экран мобильного телефона в надежде, что на нем появится значок соединения с сетью. Связи так и не было.

Когда я проехал уже порядка двух ста километров и свернул в небольшой городок, меня снова охватила тревога. Этот населенный пункт тоже был абсолютно опустевшим. Руки опять затряслись. Я заходил в магазины, подъезды домов, административные здания, но повсюду царил тишина. Никаких признаков жизни.

Зайдя в салон сотовой связи, я стал устанавливать сим-карты в различные мобильные телефоны, но ни одна из них не работала. Радиоприемники также не ловили ни одной волны – ни в моем автомобиле, ни в магазинах и домах, в которые я заходил.

Проезжая через центр городка, я заметил ресторан. К тому часу я сильно проголодался и хотел пить. На ресторанной кухне было чем поживиться: хлеб, овощи, закуски; на плитах стояли несколько больших кастрюль с супами, гарниры в противнях, – все было горячее, словно только что приготовленное. Зал ресторана был небольшой и хорошо освещался благодаря широким окнам. Я разложил еду по тарелкам и накрыл самому себе стол в зале. Плотно

пообедал. Затем прошел за стойку бара, где налил себе рюмку водки и залпом опустошил ее. Страх немного притупился, но не надолго. Осмотрев бар, я выбрал несколько бутылок дорогого крепкого алкоголя и вернулся за столик, где стал дегустировать различные сорта коньяка, виски, джина и рома. Не смотря на то, что напитки были высокого качества, организм принимал их неохотно.

Вскоре сидеть в зале ресторана стало скучно, и я вышел на улицу, где расположился на летней террасе под навесом. В нескольких метрах от меня пролегла проезжая часть и парковка, где меня поджидал мой верный «Форд». На другой стороне улицы одиноко скучали старые двухэтажные домики: кирпичные, выкрашенные причудливым оранжевым цветом. Между ними и проезжей частью зеленел газон с хаотично посаженными по нему кустарниками. Вдоль дороги стояло несколько аккуратно припаркованных автомобилей.

Я выпил еще несколько рюмок. Изрядно принятый за короткий промежуток времени спирт быстро проник в кровь и растекаясь по всему организму. Оценивать происходящее стало намного проще. Я закурил сигарету, развалился в плетеном кресле и улыбнулся. В ту минуту мне даже нравилось то, что происходит: вокруг опустевший мир, и я, словно герой фантастического романа, путешествую по его просторам в поисках выживших и причин всего произошедшего. С этими мыслями мне захотелось непременно продолжить свой путь.

Вернувшись в ресторан, я раздобыл на кухне переносной контейнер со льдом, загрузил в него несколько бутылок крепкого алкоголя, оказавшегося наименее отвратительным во время дегустации. Туда же, в контейнер, отправились полдюжины бутылок пива, которые я обнаружил в холодильнике бара. В отдельный пакет я сложил различные закуски. Всю подготовленную провизию я положил рядом с собой на переднее пассажирское сиденье и продолжил движение в сторону шоссе.

Я решил ехать дальше по трассе до тех пор, пока не встречу кого-нибудь из людей или не найду причину их исчезновения. В ресторане я изрядно успел накидаться, поэтому управлял автомобилем довольно небрежно, выезжая то на встречную полосу, то на обочину. Несмотря на это, я чувствовал себя уверенно и решительно разгонял двигатель до максимальных оборотов, одновременно попивая пиво и покуривая сигареты.

Пустая дорога, зеленый змей в крови, – я чувствовал себя в полной безопасности. До тех пор, пока не потянулся к контейнеру со льдом за очередной бутылкой пива, – автомобиль резко затрясло. Повернув голову в сторону лобового стекла, я увидел, что на огромной скорости несусь по грунтовой обочине. Инстинктивно я резко вывернул руль влево, автомобиль ушел в занос, продолжая стремительно лететь в канаву. Это все, что я успел запомнить. Дальше последовал удар, и глаза, перед закрытием век, успели запечатлеть, как сминается лобовое стекло, а из руля вылетает подушка безопасности.

Еще один удар по голове слева.

Еще один справа.

И еще один – уже не помню, с какой стороны...

Я услышал стон и открыл глаза. Приходя в сознание, я начал понимать, что стон издавал я сам. Пошевелиться не мог: ноги были крепко зажаты приборной панелью, а грудная клетка рулем. Правая нога, судя по ощущениям, была сломана. За сдутой подушкой безопасности и смятой панелью с рулевым колесом я даже не видел, что с моими ногами, но если левой я еще мог немного пошевелить, то при попытке сделать это правой возникала жуткая боль. Чувствовал, как по ногам течет кровь. Слабость, головокружение, чувствовал себя все хуже и хуже; в отчаянии осознавал, что надолго меня не хватит. Сквозь смятое лобовое стекло я увидел дым из под капота. Еще и сгореть заживо не хватало!

«Помогите!» – прохрипел я, обреченно закрывая глаза. Я понимал, насколько бессмысленно в моем случае звать на помощь. Мало того, что я зажат в разбитой машине на обочине

посреди леса, так еще и люди до одного пропали отовсюду, а они мне сейчас были бы так нужны.

Инстинктивно я качал головой из стороны в сторону, пытаюсь таким образом замедлить потерю сознания. Стоило только голове прекратить движение и застыть на месте, как меня тут же охватывал страх неминуемой смерти. Мне казалось, что если не буду двигаться, то в ту же секунду вырублюсь навечно.

Огляделся по сторонам. Контейнер со льдом лежал расколотый под пассажирским сидением, а бутылки с алкоголем разбросаны по всему салону, некоторые были разбиты. Смог дотянуться рукой до бутылки с водкой, оказавшейся на сидении рядом со мной. Она уцелела, была почти полной. Корчась от боли и приложив усилия, открутил крышку и стал лить водку на ноги, надеясь таким образом обеззаразить раны и остановить кровотечение, если оно еще продолжалось.

Спустя минуту я почувствовал сильное жжение в правой ноге: видимо, спирт добрался до открытой раны. Стиснув зубы, я вылил почти всю водку, оставив немного на донышке и, приложив горлышко к губам, в два глотка допил остатки. От водки меня чуть не стошнило. Я попытался найти закуску, но в зоне досягаемости ничего не оказалось.

В глазах начинало темнеть. Животный страх неминуемой гибели все сильнее и сильнее нагнетал чувство безнадежности, отчаяния. То и дело я, медленно и ненадолго открывая глаза, судорожно дергал головой то вверх, то в стороны, – эти движения позволяли мне чувствовать, что я еще жив.

Не помню, как долго это продолжалось.

Я проснулся от солнечного света, пробивавшегося через окно на мою кровать. Скинув одеяло, я осмотрел ноги: они были целые, свободно двигались, на них не было никакой крови. И я в своей кровати, у себя дома. Это был просто сон. Ужасный сон, но такой реалистичный! Я помнил все в мельчайших подробностях: как остался один во всем мире, и эта авария... Ну, конечно, такое могло случиться только во сне!

Определенно, это был знак. Нужно менять свою жизнь. Больше никакого алкоголя! Больше никаких сигарет! Начинаю заниматься спортом, читать книги, путешествовать по миру. Обязательно найду женщину, которая будет разделять мои взгляды. Стану добрее к людям. Мне даже не обязательно с ними общаться: пусть ходят просто где-то вокруг, занимаются своими делами, болтают, сверлят стены; пусть их дети орут и скачут по полу. Пускай делают, что хотят, – я буду рад тому, что они просто есть рядом.

Так думал я, пока не посмотрел в окно: город был снова пуст. На улице не было ни одного человека; дорога пуста, ни одного автомобиля. В отчаянии я прислушался, пытаюсь уловить хоть какой-нибудь звук, но гробовая тишина бетонных стен оставалась непоколебимой.

Одевшись, я вышел в межквартирный коридор и позвонил в дверь соседей. Никто не открывал. Взявшись за ручку двери, я обнаружил, что она не заперта. В соседской квартире никого не было. В комнате и на кухне был идеальный порядок, также как и в частном доме, в который я заходил накануне. Или это было не вчера? Помутнение в голове сбивало мысли. Почему я до сих пор жив? Почему я снова дома, целый и невредимый? И снова меня окружает этот кошмар!

Проверив двери других квартир, я обнаружил, что все они не заперты. Всюду безлюдно – куда не зайди. Тем не менее, в доме было электричество. Электростанции не могут работать сами по себе, их же кто-то обслуживает. Я родился в этом городе, прожил здесь три десятка лет и даже ни разу не задавался вопросом, откуда здесь электричество. Я решил найти ответ на свой вопрос во всезнающем интернете. Вернулся домой, включил компьютер и вспомнил, что сеть не работает, как и сотовая связь.

Выйдя на улицу, я сел в машину и отправился на поиски карты города. По дороге в книжный магазин я вдруг вспомнил, что часто проезжал мимо промышленной зоны на окраине города, откуда уходили ввысь вечно дымящие трубы. Должно быть, это и есть электростанция, тепловая, как их называют. Точно! Спустя минут двадцать я уже стоял возле ржавых металлических ворот. Огромная территория была обнесена высоким бетонным забором с натянутой поверху колючей проволокой.

Ставни ворот под моим напором разъехались в разные стороны и открыли моему взору внутреннюю территорию. Честно говоря, представлял себе электростанции немного по-другому. По всей ее площади, обнесенной глухим забором, находились небольшие строения, гаражи, множество построек причудливой формы, – все они соединялись между собой несметным количеством проводов и труб. Стены зданий были то кирпичными, то металлическими, сливаясь друг с другом в одну унылую серую массу постсоветской ветхости. Столько лет прошло, а здесь, судя по всему, ничего не обновлялось: металл, поросший ржавчиной, перекрашен несколько десятков раз, а выцветшие кирпичи и бетон нещадно рассыпались. Но все это работало. Я слышал технический гул вдали, который, по мере моего приближения к самому высокому и большому зданию, за которым вверх возвышались красно-белые трубы, усиливался. Он был похож на шум двигателей самолета.

Когда я вошел внутрь, передо мной предстал широкий зал, заполненный металлическими конструкциями, преимущественно трубами различных диаметров с множеством вентилях на каждой из них. Это огромное помещение было похоже на заводской цех из американских боевиков, где обычно происходили финальные схватки главных героев. Но здесь, похоже, кроме меня никого не было.

Гул усилился, когда я вошел. Источник шума был где-то рядом. Я решил найти что-нибудь вроде центра управления, где должен быть хоть кто-то, координирующий все эти гудящие гигантские сооружения. Множество металлических конструкций, креплений и непонятных для меня технических устройств перемешивались в глазах монотонным цветом так, что я долго не мог понять, куда мне идти, чтобы не заблудиться. Я поднялся по железной лестнице на второй уровень, возвышавшийся над залом, где увидел узкий проход вглубь здания. Туда я и направился, так как шум, по моим ощущениям, исходил откуда-то оттуда. По бокам узкого коридора было множество дверей, за которыми находились небольшие технические помещения с мигающими лампочками, вентилями и переключателями.

Пройдя до конца коридора, я вышел в другой зал, напоминающий ангар. Гул, на который я шел, исходил именно отсюда. Здесь было установлено множество генераторов, все они работали и создавали невыносимую для слуха шумовую волну. Не понимаю, как люди могли здесь трудиться: без берушей или плотных наушников можно было запросто оглохнуть.

Проходя по многочисленным металлическим полесьям, то спускаясь, то вновь поднимаясь по ступенькам, я нашел помещение, похожее на центр управления. Здесь находилось несколько кресел, компьютеров, серверов, а также множество панелей с кнопками, рычагами и индикаторами. Когда я закрыл металлическую дверь изнутри, стало довольно тихо. Я присел в одно из кресел и попытался разобраться в данных, отображавшихся на мерцающем мониторе, а также надписях на панелях приборов, но абсолютно ничего не понял. Даже никогда не задумывался о том, сколько техники и сооружений находится на этих электростанциях, какое множество процессов здесь происходит, и сколько людей круглыми сутками обеспечивают бесперебойную работу этого огромного источника энергии и тепла. Мы восхищаемся знаменитыми актерами, музыкантами, писателями, спортсменами, блогерами, забывая о том, что тепло, свет и вода в наших домах существуют благодаря простым работягам. В эпоху популяризации интернета и переизбытка информации к ним стали относиться с некоторой долей презрения. Но стоит человеку застрять в лифте, – он вызывает на помощь слесаря; когда протекут трубы – сантехника. Простого сантехника, а не певцов с футболистами! Подумать только,

обычный дворник, разгребавший сугробы во дворе, приносил куда больше пользы обществу, чем большая часть таких, как я, – воодушевленных коучингом маклеров с кредитными «Айфонами», просиживавших штаны за холодными звонками в офисах и продающих воздух менее грамотным бездельникам. Но сейчас станция работала без вмешательства человека, и это было необъяснимо. Необъяснимо и пугающе. Непонимание всегда пугает. Страх и отчаяние – вот и все, что я смог найти здесь.

Давно я не залезал так высоко. Сложно вспомнить, когда последний раз я куда-либо забирался выше собственного роста. Наверное, еще в детстве, когда полез на строительный кран. Хорошо, что кто-то из рабочих на стройке заметил меня тогда и припугнул пристрелить, если не слезу. И я слез. Будучи пойманным одним из строителей, получил от него пинок под зад и убежал домой. А ведь собирался забраться до самого верха, до кабины. И не было страшно. Страх был испытан лишь от того, что меня поймали, а мыслей о том, что можно разбиться, даже не было. А вот сейчас я лезу вверх по вертикальной железной лестнице, расположенной с внешней стороны одной из огромных широченных труб – градирен, находящихся на территории электростанции. Перекладина за перекладиной, пролет за пролетом. Если не смотреть вниз, то не так страшно. Хотя, с усилением ветра чувствуешь высоту даже если закрыть глаза. Теперь никто меня не останавливает, как это было в детстве. Никто не кричит снизу: «Слезай отсюда, а то пристрелю!» Я сам хозяин своей судьбы. Лестница была полуоткрытая, от свободного падения меня отделяли металлические дуги – перекрытия, между которыми была значительная пустота, и чувства безопасности тем самым они придавали мало.

И вот я уже на самом верху. Отряхнул ладони от ржавчины, что нацеплял с перекладин, хотя чистота рук уже не имела никакого значения. Стою на вершине, опершись на поручни, – они отделяют меня от падения внутрь огромной градирни. Пытаюсь отдышаться.

Часто задавался вопросом, что же внутри этих широченных труб? Раньше предполагал, что в них находится какой-нибудь котел для кипячения воды или сжигания топлива. Из темной бездны на меня поднимался не дым, а пар, причем, довольно прохладный. Где-то слышал, что в этих градирнях охлаждают отработанную после циркуляции воду. Из-за клубов пара и кромешной тьмы не было видно содержимого трубы, и уж тем более ее дна. Стоило перешагнуть поручень, сделать наклон вперед, и можно было бы навсегда скрыться в бездне. Пугала неопределенность. Что там, под этим паром: кипяток, остывающая вода или жесткая поверхность? Одно я знал точно – там темно и жутко. Прыгать туда не хотелось. Я повернулся в другую сторону: передо мной как на ладони распростерлась территория ТЭЦ, улицы города и растянутые вдоль них многоэтажные дома, казавшиеся издали бесчисленными примыкающими друг к другу коробками. Всмотревшись в них, я пытался увидеть хоть что-нибудь, что будет свидетельствовать о присутствии жизни, но город был также предательски пуст, как и прежде.

Внизу был бетонный фундамент и заасфальтированная площадка. Градирня была конической формы, – если прыгнуть вниз, то весь полет тело будет биться о металлическую обшивку. Хорошо, если сразу сознание потеряешь, – а если нет? Во время всего падения чувствовать, как ломаются твои кости? Страшно. Надо было лезть на красно-белую трубу. Она намного выше, уходит прямо в небо, выплевывая в него облака дыма. Прыгать с нее было бы куда эффективнее, но на такую высоту можно было полдня залезать. А мне еще с этой теперь спуститься нужно. Дурная была затея. Смелости прыгнуть так и не хватило. Тело постоянно трясло от осознания предстоящего полета под силой земного притяжения: я бы хаотично размахивал конечностями, получил бы множество переломов и испытал бы во время полета несколько инфарктов, – так себе перспектива.

Спустился обратно.

Уже стемнело. Летом темнеет поздно. Теплый ветер обдувал мое равнодушное лицо, скривившееся от очередной порции водки из пластиковой рюмки. Скрип качелей становился все тише, пока они окончательно не остановились. Резким рывком я толкнул их, заставив снова резать воздух в полете под песню скрипящих подшипников, после чего вернулся на деревянную скамейку. Скрип качелей создавал впечатление, что я не один на этой детской площадке во дворе своего дома.

Меня всегда так сильно раздражали орущие здесь дети, с утра до вечера прыгающие по горкам и перекладам, но сейчас я хотел, чтобы они вернулись; мне их так не хватает. Бегали бы сейчас вокруг, кричали, качались бы на этих скрипучих карусельках, а их доморожденные мамашки скакали бы за ними и кудахтали: «Петечка, не лазай туда!» – «Машенька, прекрати кидаться песком!» А я бы сидел на этой скамейке, попивал бы водочку и закусывал бы солеными огурчиками. И говорил бы: «Как хорошо, что вы снова здесь». Но их не было. Я сидел совершенно один, и компанию мне составляла пара бутылок водки да пакет с закусками.

И тут мне пришлось в голову употребить что-нибудь из тяжелых наркотиков. Кроме конопли в молодости я ничего не пробовал. А сейчас мне никто не запретит понюхать кокаин или уколоться героином. Терять уже нечего. Узнать бы только, где все это найти.

Что со мной происходит, не понимаю. Где я? Что произошло? Стоп! А может я уже подсел на наркоту? У меня ведь были раньше мысли попробовать. Может, я превысил дозу или обкололся так, что до сих пор вижу галлюцинации? Эта мысль меня немного обнадежила. Ведь может такое быть, что прямо сейчас я сижу на скамейке, пью водку, никого не вижу, а вокруг куча людей, и все меня видят. Ну, разное же бывает с наркоманами, я ведь не знаю, что у них в голове происходит. Если это так, то рано или поздно видения должны меня отпустить. Я вернусь в реальный мир; возможно, меня посадят или оштрафуют, а может я стану героем видеороликов в интернете, – но я вернусь. Вернусь из этого пустого мира, в котором я один, и где все так пусто и от того – страшно.

Я подхватил бутылку. Сделал несколько глотков водки прямо из горлышка. Нащупал в пакете банку с солеными огурцами, спешно открыл ее и пролил на себя часть содержимого: руки не слушались, уже был сильно пьян. Закусил извлеченным из стеклянного сосуда небольшим огурцом, после чего попытался поставить банку на скамью, но уронил ее себе под ноги. Голова болталась в разные стороны, словно перекачивалась с одного плеча на другое. Опираясь руками за спинку скамейки, я поднялся на ноги и, пошатываясь, направился в подъезд.

Все это закончится прямо сейчас. Хватит с меня! Почему раньше этого не сделал, не пойму. Вот же он, все время был под рукой, ждал своего часа – металлический сейф, прикрученный к стене в углу спальни. А внутри ружье. На охоту ходить уже нет смысла: животных вокруг нет, как и людей. А было бы неплохо завести сейчас собаку. Овчарку, например, немецкую, и охотиться вместе с ней. Было бы, чем заняться. Это бы, конечно, отвлекло от одиночества, но, увы, никого нет. Только я. И ружье. Кресло, два патрона в руке. До спусковых крючков еле достаю пальцем, но длина рук позволяет. Выстрелю дуплетом, так надежнее. Зачем мелочиться? Свинцовый ужин подан. Приятного аппетита!

Я проснулся от солнечного света, пробивавшегося через окно на мои закрытые веки. Снова было утро. В комнате было жарко и душно. Указательный палец хаотично дергался, как будто хотел нажать на спусковой крючок, но ружья в моих руках не было. Я сидел в кресле, в своей квартире. В том самом кресле, где только что собирался выпустить себе в рот два заряда картечи. Сейф был закрыт. В комнате был идеальный порядок, я не чувствовал никакого опьянения, хотя, насколько помню, выпил на детской площадке во дворе почти литр водки.

Открыл окно и осмотрел двор, соседние окна, улицу и, не увидев ни одного человека, обреченно ударил кулаком по стеклу. Только кожу рассадил, стеклопакет остался невредим, – на совесть делали.

Я приготовил себе завтрак: омлет и пару бутербродов. Ел в тишине, обреченно просверливал взглядом дырку в стене. Уже не помню, когда клеил на кухне эти дурацкие белые обои с желтыми квадратиками; даже не замечал, насколько они ужасные. Бесят. Выпил стакан воды. Оделся и вышел.

Через час я уже сидел за рулем черного «Шевроле Тахо», принадлежащего моему соседу по подъезду. Пришлось потратить время, чтобы найти ключи в его квартире. Мне повезло, в автомобиле не оказалось никаких хитрых блокировок, и мне не составило труда завести его. Мощный мотор, объемный салон, – всегда хотел такую машину. Не знаю, чем занимался мой сосед, но явно не бегал, как я, ежедневно по утрам на работу, чтобы слушать там ор пустоголовых начальников и выполнять их бредовые поручения. Он чаще был дома, либо выезжал куда-то в разные часы и никогда не был привязан к четкому временному расписанию. А у меня был «День сурка»: с утра до вечера, пять дней в неделю – одно и то же. И у меня был старый легковой «Форд», а у него «Таха». Часто, идя на работу, проходил мимо его машины и тихо завидовал. А сейчас она моя. Но удовольствия от обладания своей мечтой уже не испытываю.

Я подумал о том, что мог бы использовать данное мне время одиночества для саморазвития: читать книги, изучать науки, заниматься спортом. Но для кого все это? Странно, мне хотелось иметь дорогую машину и стройное мускулистое тело, а оказавшись в полном одиночестве, я осознал, что все это нужно было лишь для показа другим. Перед кем теперь хвастаться своими достижениями? Вроде как незачем уже к чему-либо стремиться.

Бесцельно покатавшись по городу, я свернул на шоссе и какое-то время следовал на восток. В пути я старался ни о чем не думать, любовался манящим утренним горизонтом, простирающимися вдоль дороги полями, лесами и деревушками и даже не заметил, как оказался в небольшом городке; там и сделал остановку. Я вышел из внедорожника, открыл заднюю дверь и взял с сидения свое снаряженное ружье, которое захватил на всякий случай из дома. Раз застрелиться не получилось, может быть пригодится для чего-нибудь другого. Кто знает, чего ожидать от этого внезапно опустевшего мира.

Это был какой-то невзрачный городишко. Вокруг серые, покосившиеся дома: по три да по пять этажей. Мне вспомнилась старая пятиэтажка, в которой я когда-то в детстве жил с родителями. Она была похожа на эти. Они все похожи, практически одинаковы по всей стране: везде одни и те же сумасшедшие соседи, страшные стены с облупленной масляной краской, пустые консервные банки, оборудованные под пепельницы, и присущий абсолютно всем ветхим домам душный запах заплесневелого бетона. Воспоминания заставили тосковать еще больше, и я отказался от затеи обходить квартиры этих домов в поисках людей. Так не хватало живой души рядом, чтобы рассказать обо всем, что думаю, о том, что пережил за эти дни.

Забавная вывеска спортивного магазина красовалась перед входом в подвальное помещение одной из девятиэтажных башен. Комичный дизайн, присущий отдаленным от районных центров поселениям: вывеска была изготовлена из железа в виде объемных букв, составляющих вместе слово «СПОРТМАГ». Такие использовали еще в годы СССР, сейчас же они выглядят нелепо, но вместе с тем напоминают о беззаботном детстве и от того кажутся очень близкими, родными. Кривоватые буквы были сделаны явно кустарным способом и, видимо, не раз перекрашены. Старый металл подала ржавчина. Войдя в магазин, я спустился вниз и побродил по небольшому помещению, заваленному дешевыми спортивными товарами. Взял с витрины самую красивую теннисную ракетку и упаковку с мячиками.

«Опять моя подача? Ну да ладно», – громко засмеявшись, я подкинул мячик вверх и ударил по нему ракеткой. Отскочив от стены девятиэтажки, мяч ударился об асфальт и полетел в мою сторону. «А вот так!» – ловким движением я отбил его в сторону стены. Панельный старый дом играл со мной молча. Он всегда отбивал мяч и никогда не допускал аута, – профессионал, что сказать. Мне было чему у него поучиться. Город был покрыт крошечной тишиной, кото-

рую звонким эхом ритмично нарушали стуки мяча. Дом был облицован мелкой прямоугольной плиткой белого цвета. Панели в стене разделяли глубокие неказистые швы, заполненные строительным герметиком, который давно уже высох и частично рассыпался. Справа от меня был двор с детской площадкой, а слева – дорога и гаражи. Башня явно меня обыгрывала. Спустя несколько минут я пропустил два или три мяча. Пора было сделать таймаут.

Присев на бордюр, я закурил сигарету и отрешенно стал пускать клубы дыма себе под ноги. Рядом лежало ружье и сброшенная на него мокрая футболка. Я стянул с себя кроссовки и вытянул ноги вперед, шевеля запотевшими пальцами. На улице было жарко, и ноги сопрели от поединка с девятиэтажным чемпионом. Сейчас бы окунуть их в холодную воду...

В эту минуту я вспомнил про море. Мне непременно нужно ехать к нему! Кто не мечтал жить на теплом побережье? Я бы поселился в уютном домике, сменил городскую вонь на морской свежий воздух. Там можно плавать каждый день, качаясь на волнах, научиться управлять катерами и яхтами. Могу ведь и корабль освоить: соберу с собой провизии и отправлюсь в путешествие через океан. Времени вагон! Смогу доплыть до какого-нибудь острова и поиграть в Робинзона.

Представив, сколько у меня свободного времени и возможностей, я решил, что мог бы даже научиться управлять космическим кораблем и бороздить просторы галактики. Вряд ли, конечно, это возможно. Научиться такому по книжкам не получится, да и для запуска ракеты потребуется не один человек, не говоря уже о том, что без должной подготовки и медицинского обследования я уже при взлете потеряю сознание. Да, затея безумная. А вот вертолет можно попробовать. Обязательно попробую! Но пока хочется к морю.

Я надел обратно кроссовки, зацепил рукой ружье с повисшей на стволе футболкой и направился в сторону внедорожника. По пути я победоносно произвел два выстрела в воздух. Эхо от стрельбы затерялось в старых городских дворах, в которые я больше не вернусь. Несомненно, это отличная идея: путешествие, корабли, океаны, острова, пусть и безлюдные. А что еще остается делать? Не сидеть же в душном городе, играя в теннис со старыми скучными домами? Главное, не утонуть во время путешествий, а то ведь снова очнусь в своей квартире и придется проделывать путь заново. Или мне нужно переночевать в новом месте, чтобы заново там возродиться, как в компьютерных играх? Вот и проверю.

Нужно будет найти карты для мореплавателей и подтянуть географию, чтобы понимать, откуда и куда лучше плыть, а пока доберусь до ближайшего черноморского порта, поселюсь в каком-нибудь уютном коттедже и пройду самообучение по кораблевождению. Начну, пожалуй, с катеров, а потом выберу судно покрупнее. Жаль, что не получится улететь в космос, смог бы осуществить глупую мечту детства...

– Ну почему никто окна не открывает? – возмутился вошедший в комнату бугай с круглой коротко выбритой головой.

Тучный седовласый капитан в полицейской форме, потеряв пальцами козырек фуражки, с недоверием осмотрел незваного гостя.

– Да сам тут недавно, – как бы оправдываясь, ответил он.

– Участковый? – спросил бугай, проходя к окну и открывая створку нараспашку.

– Да, – ответил капитан, вопросительно глядя на собеседника.

По своему немалому опыту он давно уже научился сходу отличать служивых коллег от гражданских. Бугай явно был опером или каким-нибудь ответственным из управления, но представиться ему все же не мешало бы.

– Я из «убойки», – опередил здоровяк вопрос участкового и небрежно махнул ксивой. – Самострел? Я так понимаю, криминала нет?

– Судмедэксперта вызвали, – без интереса в голосе ответил капитан. – Посмотрим, что скажет. На первый взгляд – самоубийство.

Единственная комната в квартире была довольно просторной. Слева от входа располагалась широкая кровать, аккуратно заправленная. У окна находился письменный стол, заваленный книгами и бумагами. В левом углу от окна стоял гриф для штанги, рядом с ним, на полу, лежали гантели. В правом углу размещался оружейный сейф, дверца его была открыта нараспашку. Следом стояло кресло, в котором застыл труп, а после него, вдоль стены, комод с телевизором и пара шкафов. Обои позади кресла были усеяны засохшими брызгами бурого цвета. Если бы не присутствовавший в комнате мертвец, эти пятна вполне сошли бы за картину какого-нибудь современного экспрессиониста.

Оперативник склонился над креслом, в котором застыло тело, сжимавшее посиневшими руками ружье.

– Что тут у нас за двустволочка? «Мурочка». Хороший ствол, тесть с таким на охоту гоняет, – усмехнулся опер.

Кончиками пальцев сыщик взял ружье за приклад и потянул на себя, но оно не сдвинулось с места: онемевшие руки трупа крепко его удерживали. Ствол был направлен вверх, а голова покойника откинута назад. Нижняя часть лица была сильно обезображена почерневшими ожогами, щеки разорваны. Затылок был размозжен шариками картечи, пролетевшими через рот во время выстрела. Череп на затылке напоминал раскрывшийся цветочный бутон. Его осколки, повисшие на основании, словно лепестки, распустились в стороны вокруг образовавшейся дыры, через которую вылетали мозги.

Воздух в квартире был пропитан отвратительным трупным запахом. Участковый, скривив лицо и, закрыв нос рукавом, вышел из комнаты в коридор, продолжая наблюдать за оперативником через дверной проем.

– Знаешь его? Ствол зарегистрированный?

– Ну, лицензия у него была. Помню, что сейф проверял, – ответил капитан.

– Чем жил вообще?

– У меня на участке три тысячи человек, мне сейчас еще два передали, за отпускников.

Ты думаешь, я всех запоминаю?

– Понятно. Родственники?

– Нашел данные сестры, она в другом городе. Говорит, что жил один, с семьей не общался, чем занимался – даже не знает.

– А кто нашел-то?

– Да соседи на запах пожаловались, походу дня три тут лежит.

Оперативник посмотрел на мертвеца, затем на участкового и буркнул себе под нос:

– Сидит.

Капитан снял фуражку и почесал затылок.

– Кто – сидит?

– Он – сидит, – махнул головой опер в сторону кресла. – Сидит, а не лежит.

– А-а-а, понятно.

Бугай пощупал карманы застывшего в кресле трупа, после чего принялся осматривать документы, лежавшие на столе.

– А что это из ружья торчит? – спросил капитан.

– В смысле?

– Ну, из дула, как будто мозги оттуда выплыли.

– Так это и есть мозги, – усмехнулся оперативник.

– Чьи? Его? – удивился капитан.

– Ну не твои же.

– А в дуле как они оказались?

– Это ж физика. После выстрела давление в стволе падает, образуется вакуум. Ствол был во рту. Бах! Кости с мясом разлетаются, мозги засасывает в ствол, потом давление нормализуется, и мозги наполовину выползают обратно.

– Мерзость какая, – нахмурился участковый и подкурил сигарету.

– Слушай, ну не самый худший вариант. Я тут с медиками недавно бухал, они мне рассказывали, что после смерти мозг еще несколько минут продолжает работать. То есть труп вроде лежит готовый, а человек в это время может все видеть, слышать и осознавать. Представляешь, каково ему? Говорят, например, что во время клинической смерти или под наркозом люди как бы на тот свет попадают или с родственниками умершими общаются. Так вот, это мозг видения создает. То, что они летают, видят свое тело сверху – все это предсмертные проекции мозга. Ну, он неправильно работу органов чувств организует, вестибулярного аппарата и прочего. А этому дураку повезло, – опер кивнул на труп в кресле, – вряд ли он что видел и слышал, тут мозг за долю секунды разнесло.

Капитан скривился в лице и, затянувшись сигаретой, направился к выходу из квартиры.

– Портфель в машине забыл. Пойду заберу.

Перезагрузка Киры

Недалеко от моей работы располагалось уютное кафе. Частенько я скрывался там от офисной суеты, приходя пообедать чуть позже, чем это делают все остальные. В кафе всегда царил аромат свежесваренного кофе, разбавленный прохладой кондиционеров. Летом здесь было особенно приятно находиться. В тот пятничный жаркий день в центре Москвы было невыносимо душно, и возвращаться в офис совсем не хотелось. Я сидел за столиком у затемненного окна, допивал капучино с корицей и разглядывал проходящих мимо людей. Мое внимание привлекла девушка, расположившаяся на скамейке у входа в кафе. Всякий раз, когда открывалась дверь, она поворачивала к ней голову и полной грудью вбирала воздух, сокрушенно выдыхая его с какой-то обреченностью. Мне показалось, что таким образом молодая особа вдыхает аромат кофе. Вдруг она встала и грустно посмотрела внутрь кафе через тонированное стекло, приложив руки к вискам, закрыв таким образом глаза от солнечных лучей. Через затемненное окно со стороны улицы ничего не было видно, но изнутри все хорошо просматривалось, поэтому я смог отчетливо уловить ее грустный взгляд, наполненный тоской и безысходностью. Девушка была совсем юной и выглядела крайне неопрятно. Ее распущенные волосы небрежно свисали до плеч и всем своим видом показывали, что давно мечтают о шампуне, воде и расческе. Затертые джинсы, поношенные кроссовки, нелепая мятая блузка, – ее вид говорил о том, что если она и не бездомная, то явно не из благополучной семьи. Несмотря на внешнюю запущенность, девушка была стройна и даже в меру симпатична, хоть на лице ее и были местами покраснения, похожие на детские прыщи. Мне показалось, что в ее грустном лице было что-то светлое, подающее надежду на то, что она сможет что-то изменить в своей жизни.

Никогда бы не подумал, что захочу помогать таким людям. Меня всегда раздражала слабость и жалость, бесили попрошайки, вечно требующие что-то от других, сами при этом не

желающие даже палец о палец ударить. Но в этот раз что-то екнуло в моей голове. Почему-то мне стало ее жалко, и в мысли в ту минуту закралась весьма странная идея.

Я встал из-за стола и направился к выходу, сказав официантке, подозрительно провожавшей меня взглядом: «Сейчас вернусь». Дверь кафе распахнулась, и девушка, сидевшая на скамейке, повернула голову в мою сторону, сделав глубокий вдох и закрыв глаза.

– Привет. Хочешь кофе? – спросил я, придерживая рукой дверь.

Она открыла глаза и с недоверием посмотрела на меня, затем растерянно оглянулась, чтобы проверить, к ней ли я обращаюсь.

– Здесь прохладно и очень вкусный кофе. Я угощаю, пойдем, – продолжил настаивать я и слегка улыбнулся.

Девушка вновь обернулась по сторонам, растерянно провела ладонями по коленкам и, не сказав ни слова, поднялась со скамейки.

– Предпочитаешь латте, капучино, без молока? – спросил я, когда мы сели за столик.

– Мне все равно, – с легкой долей небрежности произнесла она и, взяв в руки бумажную салфетку, принялась гнуть ее и крутить в разные стороны.

Я решил, что она сделает какое-нибудь оригами, но незнакомка просто крутила ее в руках, опустив глаза вниз.

Поймав взглядом официантку, я громко произнес:

– Девушка, будьте добры, два капучино.

Моя собеседница в этот момент слегка дернулась и на секунду нахмурила брови. Внезапный громкий возглас ей явно пришелся не по душе.

– Меня зовут Александр. А тебя?

– Кира, – ответила девушка, не поднимая глаз.

– Красивое у тебя имя, редкое, – сказал я, пытаюсь ненавязчиво разговорить ее, но девушка никак не реагировала и была занята разминанием салфетки.

– У тебя все в порядке? Я вижу, ты расстроена.

– А ты благодетель что ли? – буркнула Кира, подняв вдруг голову и встретившись со мной взглядом.

Зрительный контакт продлился недолго, спустя секунду она вновь опустила глаза.

– Я решил тебе помочь, по мере возможности, и тебя это совершенно ни к чему не обяжет.

– Решил кофе напоить и трахнуть что ли? – резко выдала Кира, снова подняв глаза, и на этот раз задержала на мне взгляд уже секунды на три.

После такого вопроса в лоб, скрепленного молодым нигилизмом и распушенностью этой девки, я сначала невольно расплылся в сдержанной улыбке, а после засмеялся.

– Может, для девушки это прозвучит как оскорбление, но у меня не было в планах тебя трахать.

– Что тогда тебе нужно?

– Мне ничего не нужно, у меня все есть. А вот к тебе у меня тот же вопрос. Что нужно тебе? Хочешь ли ты изменить свою жизнь к лучшему?

– Это целых два вопроса.

– Хорошо, считай, что мы просто знакомимся, никому ни от кого ничего не нужно: поболтаем, попьем кофе и разбежимся, если друг другу успеем надоест. Я не маньяк и не навязчивый идиот, если ты меня за такого приняла, преследовать тебя не буду, не переживай.

– Я и не переживаю. И не таких встречала, мне терять нечего.

– Расскажешь о себе?

– Давай лучше ты о себе.

– Ну, хорошо. Мне в этом году стукнет тридцать один. Работаю здесь рядом, в Финмониторинге. Не богат, но и не бедствую. Живу один в спальном районе на западе. Был женат, в разводе, детей нет. Увлекаюсь ездой на велосипеде. В политических партиях не состою.

Шутку про партии Кира не оценила, но, судя по тому, что она отложила в сторону измятую салфетку, напряжение от неожиданного знакомства спало.

– Угостишь сигаретой? Может покурим, пока кофе не принесли? – вдруг спросила она.

– Не курю. Да и кофе вот уже несут.

Кира небрежно бросила в чашку сахар и принялась греметь ложкой, затем наклонила голову и вдохнула исходящий от горячего напитка ароматный пар.

– Спасибо за кофе. Я давно не пила настоящий кофе. Все больше растворимый, там, знаешь... У него ни вкуса, ни запаха такого нет.

Кира жадно сделала несколько глотков и опустошила чашку наполовину.

– Ты живешь неподалеку? – продолжая разговор, спросил я.

– Да, у знакомых временно, тут рядом.

– В центре? Видимо, богатые знакомые.

– Да нет, ему комнаты в коммуналке от мамки в наследство остались, вот и живет там, приютил на время.

– А твои родители?

Кира промолчала, сделала еще несколько глотков и уставилась в окно.

– Не хочешь о родителях?

– У меня мать только, – ответила она, продолжая смотреть на проезжающие за окном машины. – Я с ней не живу.

– Сколько тебе лет?

– Сигареты уже могу сама покупать.

– И все же?

– Боишься, что малолетка? Да не, двадцать один.

Я предложил Кире поесть и она, несмотря на сохраняющееся ко мне недоверие, сразу согласилась и заказала из меню салат и ролы. Пока мы ждали заказ, Кира неохотно рассказала о себе. Она росла без отца, с трудом закончила девять классов школы и поступила в ПТУ, из которого впоследствии ушла, так и не доучившись. Кира не общалась со своими родственниками, кроме матери, которая, получив инвалидность, давно не работала и сдавала вторую комнату семье гастарбайтеров, постоянно пила и приводила домой собутыльников, поэтому жить с ней для Киры было невыносимо. Со слов девушки, уже более двух лет она не жила с матерью, лишь периодически навещала, когда та была трезвая, чтобы попросить денег. Сама Кира не работала и о том, чем занимается все свободное время, предпочла умолчать, рассказав только, что ночует у различных знакомых, пока не выгонят.

Когда принесли еду, я перестал мучить Киру вопросами и дал ей спокойно поесть. Сам в это время позвонил на работу и предупредил, что мне понадобилось срочно отъехать, и в офис я уже не вернусь.

– Пойдем за мной, – по-отцовски сказал я Кире, расплатившись по счету и встав из-за стола, когда она доела.

– Куда? – растерянно спросила она.

– С этого дня у тебя начинается новая жизнь, и обещаю, ты мне ничего за это не будешь должна. Пошли.

Центр Москвы, пятница, пробки. Дороги с самого утра были загружены потоком нескончаемых автомобилей.

– Куда мы едем? – с легкой ноткой испуга в голосе нарушила тишину Кира, когда мы свернули на Кутузовский проспект.

– Ты довольна своей жизнью? – ответил я вопросом на вопрос.

Она молчала.

– Вот и я думаю, что не очень. Мы едем менять твою жизнь в лучшую сторону.

– Но я не просила этого делать.

– А ты бы никогда не решилась. Просто доверься мне.

Я привез ее в торговый центр, где мы зашли в несколько бутиков. Я уговорил Киру примерить пару вещей, и хотя она до последнего отказывалась, все же я приобрел ей летнее платье, брюки, шорты, леггинсы, пару комплектов нижнего белья, футболки, а также простенькие туфли и кроссовки. Невзирая на то, что я подбирал бюджетные варианты, мне все же пришлось изрядно раскошелиться. Денег было не жалко, в голове упорно закралась мысль, что я поступаю правильно. Кира все это время находилась в ступоре. Казалось, она не верит, что это происходит с ней, и не может понять, зачем мне все это нужно.

Из торгового центра я привез ее к себе домой, показал, где что находится, выдал чистое полотенце, а также поручил бросить всю ее одежду в стиральную машинку.

– Ты хочешь жить со мной? – спросила Кира, перед тем как закрыть передо мной дверь в ванную.

– Ты поживешь у меня временно. Я найду тебе жилье и работу. Ты забудешь старую жизнь и начнешь все с чистого листа. Но запомни: во-первых, ты должна доверять мне и делать все, что я скажу; во-вторых, ты не должна надеяться, что я буду содержать тебя до конца жизни, тебе придется полностью измениться, начать работать, отказаться от своих привычек. Я помогу тебе на первых этапах, пока ты не станешь независимой и пока не сможешь твердо стоять на ногах. А теперь принимай ванну или душ, на свое усмотрение, я пока сделаю пару звонков.

Дверь ванны закрылась изнутри, а я прошел в комнату и принялся искать среди сотен контактов в телефоне пару своих старых знакомых. Одним из них был комендант общежития, расположенного неподалеку; я договорился с ним о сдаче комнаты для Киры за символическую плату. Другим знакомым оказался терапевт одной из частных клиник, с которым мы дружили еще со школы.

Кира долго принимала душ, а когда вода стихла, она еще около часа не выходила из ванны, то включая фен, то воду из крана.

Я сидел за столом на кухне и листал ленту соцсети в телефоне, когда она вышла. Передо мной предстал совершенно другой человек. На ней были новые леггинсы, обтягивающие ее стройные бедра, и белая майка с изображением кошки, еще не глаженная после покупки. Влажные волосы, не до конца высушенные феном, были небрежно расчесаны, отчего некоторые пряди по бокам кокетливо закрывали глаза.

– Ну вот, другое дело, – улыбнулся я и предложил Кире ужин, но она согласилась лишь на чай.

Мы молча сидели за столом, смотрели какой-то глупый фильм по телевизору, после чего я разложил кухонный уголок, который служил также и тахтой для редких гостей, остававшихся с ночевкой.

– Кира, ты давно у врача была?

– А что? Хочешь выяснить, можно ли со мной спать?

– Не ерничай, я серьезно.

– Повода не было.

– Завтра мы пойдем к моему знакомому терапевту, обследуешься. Это нужно для тебя.

Потом начнем искать тебе работу.

– Саш, спасибо, но я не уверена, что мне это нужно.

– Что не нужно? Работать или обследоваться?

Кира молчала.

– Хочешь вернуться в притон и бесцельно сгинуть в этом городе в нищете и с букетом болезней? Если да, то я тебя не держу. Уговаривать никого не собираюсь. Но раз уж начал помогать тебе, позволь довести дело до конца, и если я это буду делать, будь добра проявить каплю терпения и делать то, что говорю. А сейчас выбрось все из головы и хорошенько выспись.

– Как скажешь, – на удивление смиренно ответила Кира.

Я ушел в комнату, выключил свет и грохнулся на кровать. События уходящего дня не давали мне уснуть. В полудреме мне казалось, что это был сон, и что никакой Киры сейчас на моей кухне нет. Я начал спрашивать сам себя, зачем все это затеял, но ответа не находил. Я не верил в карму, не верил в богов, не имел стремления делать кому-то добро, в надежде получить преференции свыше, но почему-то мне нравилось, что я делаю. Видимо, начал стареть и нуждаться в потребности заботиться о ком-то или просто представил себя на ее месте: брошенным, никому не нужным, одиноким, прожигающим жизнь, даже не пытающимся оставить после себя след. Что говорить, разве я не такой? Отец мой умер, едва мне стукнуло семь, а мама после этого ударилась в религию и критиковала меня все последующие годы за каждый мой шаг. Ей не нравилось, как я одеваюсь, с кем встречаюсь, как учусь и работаю. Мне с ней стало не о чем даже поговорить, хотя порой так хотелось. Периодически навещаю ее, помогаю деньгами, но не более. Мы не понимаем друг друга. Живу ради ничего: ни для себя, ни для семьи; нет ни детей, ни собаки. Работа, дом, случайные связи, пьянки раз в полгода со знакомыми, – да не многим я отличаюсь от Киры, разве что наличием квартиры, доставшейся в наследство, которую сам бы никогда не смог купить, да работой в госучреждении, приносящей небольшой, но стабильный доход, позволяющий иметь бюджетный автомобиль, покупать продукты и выбираться раз в два года на какой-нибудь недорогой курорт.

Мои сонные мысли прервали шаги в коридоре. Я подумал, что Кира ищет в темноте ванную, но нет, – скрипнула ручка двери моей комнаты. Я повернул голову: она была лишь в нижнем белье. Под тусклым светом луны и уличных фонарей, пробивающихся через окно, в полумраке комнаты я разглядел ее силуэт: очертания тела говорили о явном отсутствии физкультуры в ее жизни. Плечи Кира держала опущенными вперед. Хоть она и была в меру худощавой, под небольшой грудью, максимум второго размера, плотно сжатой полупрозрачным бюстгалтером, был оттопырен небольшой животик. Как ни странно, все это даже придавало ей какой-то особенной сексуальности. Я молча смотрел на нее, понимая, зачем она пришла, но, несмотря на долгое отсутствие половых партнеров, не питал в ту минуту ни страсти, ни желания овладеть ею. Может быть, боялся близости, которой уже так давно не было, а может, удерживал страх подцепить венерические заболевания. Какие-то странные чувства посетили меня, и я впал в ступор. Кира, тем временем, не произнося ни слова, подошла к моей двуспальной кровати и легла рядом. Наши бедра и плечи соприкоснулись.

– Ты не обязана спать со мной, – прошептал я, словно боялся кого-то разбудить. – Я не для этого привел тебя сюда и хочу, чтобы ты это понимала.

– Не хочешь меня? – удивленно спросила она.

– Прозвучит странно при сложившихся стереотипах о мужчинах, но сейчас не нужно этого делать.

– М-м-м, понятно, умник. Ну да, сначала надо врачу показаться, само собой, – буркнула она, дружески похлопала меня ладонью по бедру и встала с постели. – Ты очень странный, Саня, – добавила она, перед тем как закрыть дверь с обратной стороны.

Утром я пришел на кухню, когда она еще спала, завернутая в пододеяльник, и стал готовить завтрак.

– Доброе утро, соня, – с ухмылкой произнес я, когда она открыла глаза.

– Выйдешь на минуту? Я оденусь.

– Чего я там не видел? Одевайся, я не смотрю.

Кира насупилась, приподнялась на тахте, прикрываясь пододеяльником, и схватила с табурета свою мятую майку.

– Ты как будто издеваешься надо мной, – процедила она сквозь зубы.

– Называй это как хочешь. Ты не привыкла к заботе и воспринимаешь ее как издевательство.

Кира накинула на себя майку и принялась натягивать леггинсы. Все это время она недоверчиво косилась на меня, пока я хозяйничал у плиты. Овсянка с бутербродами были готовы, а в турке уже начинала подниматься кофейная пенка.

– Тебе меня жалко стало? Ты со мной из жалости возишься? – спросила Кира.

Не дожидаясь ответа, она продолжила:

– Погоди, я поняла. Ты из тех парней, которые влюбляются в проститутку и потом бегают за ними, пытаясь вернуть их к нормальной жизни? Ну, по их мнению, нормальной. Как правило, такие парни – импотенты. И я, кстати, не проститутка. Я тебя не оскорбляю, просто хочу понять, кто рядом со мной.

– Ты явно злая, когда тебя будят по утрам, – улыбнулся я.

Кира поднялась с тахты и, поправляя волосы, пошла в сторону туалета.

– Подожди, – сказал я ей вслед. – На бачке стоит контейнер, собери в него мочу, отвезем сейчас в клинику на анализ.

– Ты меня на органы решил продать? – раздался возглас из уборной.

– Кира, не выноси мне мозги! Я тебе уже тридцать раз все объяснял. Если продолжишь в том же духе, реально продам на органы. Почки сейчас в цене, так что проверить их не мешает.

Мне хотелось ее развеселить, но она даже на улыбку была скудна. Это задевало самолюбие. Из уборной Кира вышла с контейнером, замотанным в туалетную бумагу, поставила его на тумбу в прихожей и скрылась в ванной. Ей было очень неловко.

– Садись завтракать, – предложил я, когда она вернулась на кухню. – Кофе, конечно, не капучино, как вчера, но, по крайней мере, не растворимый.

Поставив тарелки на стол, я продолжил:

– А понимать, кто рядом с тобой, ты научишься с жизненным опытом, даже без лишних слов и вопросов. Что касается импотенции, о которой ты намекнула, то даже если бы я этим и страдал, это было бы не твоё дело. Напоминаю, что здесь ты временно, так что не забивай голову ерундой.

Произнося эти слова с важным назидательным видом, я вдруг почувствовал себя пафосным хвастуном, пытающимся выдать себя за всезнающего, повидавшего жизнь мудреца, дабы произвести впечатление. Думаю, она именно так меня и воспринимала, хоть и не подавала виду.

В ту субботу я отвез Киру в частную клинику, где работал мой знакомый. Медсестра взяла у нее кровь из вены, затем Киру осмотрели несколько врачей, сделали рентген легких и УЗИ брюшной полости.

– Пока ничего серьезного нет, – сказал мне терапевт, когда я остался с ним наедине. – Легкие без затемнений, признаков заболеваний на теле нет, вот только почки и печень расширены, если верить УЗИ. Скорее всего, это связано с воспалением. Полную картину увидим по результатам анализов. Ты же экспресс заказал?

– Ну да, сегодня должны быть готовы.

– Отлично, я их получу и тебе позвоню. Оплати пока в кассу, – мой школьный приятель протянул мне квитанцию. – По минимуму насчитал, со скидкой.

– Спасибо, дружище.

– Сань, а что за барышня?

– Так, знакомая одна, надо помочь.

– Наркотики?

– Не исключено.

– Ладно, не буду допрашивать, хотя, для полноты картины бы стоило. Созвонимся по результатам.

По дороге из клиники мы заехали пообедать в недорогое кафе. С самого утра Кире кто-то звонил, но она не отвечала, по крайней мере, при мне. Когда мы вернулись в машину, Кира

в очередной раз выключила звук звонящего телефона и спрятала его в сумку. Меня это начало раздражать.

– Бывший сожитель звонит?

– Да. Не хочу говорить с ним. Не знаю, что говорить. Мы друг другу никто.

– Ответь ему, скажи, что уехала. Хочешь, я с ним поговорю?

– Не надо. Потом сама скажу, если названивать не перестанет.

– Дай-ка свой телефон.

– Зачем?

– Давай-давай.

Кира протянула свой старый китайский смартфон с разбитым экраном.

– Что это за дерьмо? Купим тебе новый, – я выключил телефон и бросил его на заднее сиденье. – Перепишешь мой контакт, своей мамы, еще пары родственников, если есть, остальные в топку. Начинаешь жить по-новому. Сжигай мосты. На том берегу тебе, кроме неприятностей, ловить нечего.

Мы поехали в торговый центр, где я купил Кире недорогой смартфон с новой сим-картой и вернул старый, чтобы она перенесла нужные контакты. В течение дня она неоднократно просила купить ей сигарет, на что я отвечал отказом, сказав, что если она не решится окончательно бросить, будет покупать их сама со своей первой зарплаты. Свои деньги на отраву я тратить не собирался.

Мы сидели в парке, когда позвонил врач. Он успокоил меня, сказав, что, согласно анализам, венерических заболеваний у Киры нет, но вот почки и печень воспалены и требуют лечения. Это все, что я понял из его медицинских терминов. Мы договорились, что Кира придет в понедельник на повторный осмотр и получит список необходимых лекарств.

Вернувшись домой, я занялся приготовлением ужина, а Кире выдал утюг и гладильную доску, так как вся ее одежда – как новая, так и старая – после стирки была неприглядно мятая. Наблюдая за ее работой с утюгом, я сделал вывод, что гладила она до знакомства со мной крайне редко, если вообще когда-либо держала в руках этот бытовой прибор.

За ужином мы молчали. Каждый думал о своем. Не знаю, о чем думала она, а я пытался понять, что чувствую к ней. После развода в моем доме изредка оставались случайные девушки, с которыми мы резвились один-два дня, после чего разбегались. Сейчас у меня сожительница, довольно странная. Знакомые и родственники назвали бы меня идиотом. Так уж сложилось, интерес мужчины к женщине строится исключительно на инстинкте размножения. У меня был другой интерес. Он возник внезапно и требовал от меня довести начатое до конца. Я чувствовал, что должен ей помочь начать новую жизнь во что бы то ни стало. Мысль о дальнейшем полноценном сожительстве, пришедшая на ум, меня не на шутку смутила. Кира была не в моем вкусе. Я не мог представить себя рядом с ней, не чувствовал к ней влечения, не испытывал ничего, кроме ответственности, которую сам же на себя взвалил.

Воскресным утром, после завтрака, который она помогла мне приготовить, Кира попросила разрешить ей выйти, чтобы прогуляться в одиночестве. Я ответил, что не удерживаю ее, и спрашивать разрешения на это не обязательно. По ее возвращении я почувствовал терпкий запах сигарет и сделал замечание, что неплохо бы поработать над фигурой, вместо травли организма смолой, оставляющей при этом мерзкий душок на одежде. Она слегка обиделась.

Воскресный день мы потратили на поиск работы для Киры. Из всех вакансий, которые мы нашли в газетах и интернете, для нее подошла лишь работа продавцом в хозяйственном магазине, расположенном неподалеку. Все остальное находилось далеко, требовало образования, опыта или оказывалось банальным разводом для наивных любителей халявы.

Уже после обеда мы встретились с владельцем магазина, который находился в соседнем районе, и договорились о трудоустройстве Киры, начиная со вторника. Хозяин магазина мне понравился. Он оказался местным жителем, только начавшим развивать свой бизнес. Коммер-

сант предложил Кире месяц испытательного срока с небольшой оплатой, а в дальнейшем – официальное трудоустройство на полную ставку.

В понедельник рано утром я уехал на работу, оставив Кире ключи от квартиры, немного наличных и напомнив, что ей нужно посетить клинику, а также общежитие, где ее будет ждать мой знакомый комендант.

После обеда я позвонил терапевту и выяснил, что Кира к нему так и не приходила. Не была она и в общежитии. Телефон ее был отключен, и меня посетили наихудшие мысли. Отпросившись с работы, я приехал к себе на квартиру, но мои опасения не подтвердились: дверь была закрыта, вещи на местах. Оставалось выяснить, где Кира, с ней могло что-то случиться. Я позвонил на ее старый номер, и, к моему удивлению, она на него ответила. На заднем фоне я услышал незнакомые хриплые голоса.

– Кира, ты где? – спросил я.

– Я, это... Мне надо было вещи забрать.

– Какие вещи? Тебя в клинике ждут, в общежитии ждут. Зачем ты меня подставляешь? Где ты и за какими, к черту, вещами куда-то поехала?!

– Сейчас, – тихо сказала Кира.

Я услышал, что она куда-то быстро шагает, словно ищет место, где бы окружающие не могли слышать наш разговор.

– Ты можешь за мной заехать? У меня вещи мои, много везти.

– Где ты?

Кира продиктовала адрес. Это был сталинский дом в центре города, и я понял, что она вернулась в притон своего знакомого, о котором рассказывала на нашей первой встрече. Почему не предупредила? Выключила телефон, включила старый, забила на все договоренности. Внутри меня разыгралась нешуточная злость и непонимание этого поведения. Что у нее в голове?!

Через полчаса я подъехал на указанный Кирой адрес. Подъезд дома, в который я вошел, впечатлял величием широких пролетов и высоких потолков и одновременно отталкивал отвратным букетом запахов плесени, ацетона и табачного дыма. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я лицезрел множественные похабные рисунки и нецензурные надписи на стенах, небрежно выполненные маркерами и краской из баллончиков. В пролете лестницы на подоконнике красовалась трехлитровая банка, наполовину заполненная окурками. Весь пол был усеян следами от плевков, шелухой семечек, сигаретными бычками и пустыми алюминиевыми банками из под алкогольных коктейлей.

Подойдя к нужной квартире на втором этаже, я позвонил Кире, но она не ответила на телефон. За старой деревянной дверью с ободранной обивкой доносились хриплые молодые голоса, пропитанные такой звенящей наглостью, что вызывали отвращение. Я дернул ручку, и незапертая дверь скрипнула, распахнув передо мной широкий коридор старой коммуналки, заваленный всевозможным бархлам. Дверная коробка заросла плесенью и пылью, пол был застелен почерневшим и местами вздутым паркетом. Одна из комнатных дверей была открыта, из нее доносился громкий взбудораженный голос, хриплый и мерзкий. С кухни в коридор мне на встречу вышел какой-то молодой наркоман с лысой головой и заплывшими глазами. Из одежды на нем были только шорты и тапки. В полумраке коридора на его худых плечах и груди с торчащими ребрами я разглядел множество безобразных татуировок.

– А ты еще кто такой? – сишло и зло произнес его рот с кривыми зубами, из которого понесло тухлой рыбой.

– Кира где?

– А те чо от нее надо? Развернулся и за дверь! Быстро!

Гопник еще что-то хотел добавить, но не успел, так как его голова смачно впечаталась в бетонную стену с облезлыми обоями после моего удара ладонью по нижней челюсти.

Пока наркоман что-то хрипел вслед, я прошел по коридору в открытую комнату и увидел там заплаканную Киру, сидевшую в драном коричневом кресле, обвешанном какими-то нелепыми ковриками и тряпками. На нее кричал парень лет двадцати пяти. Он стоял в центре комнаты, одетый в старые спортивные штаны и рваные носки. Парень оказался намного плотнее и крепче, чем его собрат, оставшийся в коридоре, но все равно далеким даже от начальной физической подготовки. В комнате воняло ацетоном и был ужасный бардак: вещи разбросаны, повсюду пустые бутылки, банки и пакеты, на полу и стенах – старые облезлые ковры. Грязные шторы были занавешены, – в комнате было также темно, как и в коридоре. Несмотря на полумрак, я разглядел на теле гопника, ругавшего Киру, множество синяков, покраснений, а также глупых любительских наколок, похожих на тюремные.

– Кира, собирайся, мы уходим! – громко произнес я, перебив хрипящего быдлогана.

– А ты еще кто такой?! – возмутился парень в штанах и вызывающе сделал шаг в мою сторону.

– Иди у кента своего спроси, я ему объяснил, – ответил я и кивнул в сторону коридора.

В ту минуту в проеме двери я увидел лысого. Он быстро очухался после удара об стену и уже входил в комнату, надвигаясь на меня со злобой в глазах и с каким-то куском ржавой металлической трубы в руке.

– Сука... – прохрипел он.

Наркоман замахнулся куском трубы, но тут же получил удар ногой в пах и добивающий кулаком в висок. В этот момент в коридоре открылась дверь одной из комнат, из нее выглянула пожилая женщина. Она как раз застала то мгновение, когда лысый дохляк упал на пол, а кусок трубы с грохотом ударился о паркет и выкатился в коридор. Бедная старушка тут же захлопнула дверь своей комнаты. Второй гопник сделал несколько шагов в мою сторону, но когда я поймал его взглядом, он остановился.

– Кира, бери вещи, уходим! – крикнул я.

Она, вскочив с кресла, принялась спешно заталкивать в лежавшую посреди комнаты спортивную сумку разбросанную одежду, косметику и прочий хлам.

– Слышь, ты чо беспределишь?! – возмутился парень в спортивных штанах, замерший посреди комнаты и наблюдавший за сборами Киры. – Ты ей кто? Тебе кто в хату право давал входить?

– Пасть закрой! Еще раз рядом с ней увижу хоть кого из вас – в лес вывезу! Звать меня Саня «Урал», тебе за меня любой смотрящий в центре скажет, если ты, конечно, людей порядочных знаешь.

Тем временем Кира носилась по комнате, собирая вещи. Когда она оказалась рядом со мной, я схватил ее под локоть и спросил:

– Готова?

– Да, вроде.

– Пошли!

Я не стал дожидаться, пока Кира подберет последние мелочи, выхватил из ее рук сумку и, держа ее под локоть, вывел в коридор, аккуратно обойдя лежавшего в проходе лысого наркомана. Он держался руками за голову и бормотал ругательства под нос. Мы быстро вышли в подъезд, бегом по лестнице спустились вниз и сели в машину.

– Ты говорила им про меня? Где живу, где работаю? – заикаясь, спросил я Киру, когда мы отъехали от злополучного дома.

Сердце предательски колотилось, адреналин бурлил в крови. Я не мог успокоиться и отдышаться, не хватало воздуха. Я опустил стекла, забыв, что включен кондиционер. Кира была напугана не меньше, но свой страх скрыть не пыталась.

– Нет, ничего не говорила.

– Уверена?!

– Да! Ничего!

Некоторое время ехали молча. Когда мы немного успокоились и восстановили дыхание, она прервала тишину:

– Саня «Урал»?

Кира с интересом посмотрела на меня. Я не знал, что ответить.

– Это в прошлом, – соврал я. – Твои дружки только такой язык и понимают.

Никакого прозвища «Урал» на самом деле у меня отродясь не было, как и связей с криминальным миром и какими-либо «смотрящими». Я вообще плохо в этом разбирался, во мне просто сработал инстинкт самосохранения, и пришлось выдумывать все на ходу, чтобы сбить с толку оппонента. Что ж, получилось неплохо.

Откровенно говоря, я не рассчитывал с кем-то драться. Из-за этой дуры меня могли просто напросто покалечить или убить. Я даже не помню, когда до этого случая применял к людям силу, – на школьной дискотеке, наверное, во время выпускного вечера. Но сейчас все произошло рефлекторно, я и сам от себя такого не ожидал. Кире лучше было об этом не рассказывать. Кто ее знает, не побежит ли она завтра опять к этим татуированным торчкам.

По пути я несколько раз отчитал ее за безалаберность и отвез в медцентр. С полученным от терапевта списком лекарств мы заехали в аптеку, где я немного опешил от цен на прописанные Кире препараты. Курс лечения на месяц обошелся мне в пятую часть зарплаты.

Уже под вечер мы посетили общежитие, где мой знакомый комендант показал Кире комнату, вполне уютную, со всей необходимой мебелью. В блоке была еще одна комната, где проживала молодая пара из Курской области. Они занимались в Москве ремонтом квартир и в общежитии появлялись редко. Условия оказались даже лучше, чем я себе представлял. Особой радости на лице Киры я не увидел, но молчаливое согласие говорило о том, что ее все устраивает. По крайней мере, выбор у нее был невелик. С чего-то надо начинать. И первое, что ей придется сделать, – это научиться самостоятельности и ответственности. С последним, как показал сегодняшний день, у нее еще были проблемы.

Я решил отложить переезд на следующий день, чтобы спокойно перевести все ее вещи, а также докупить недостающие предметы обихода, вроде утюга, чайника, ванн принадлежностей и прочего. В тот вечер Кира осталась у меня.

Пока она ходила в душ, я проверил содержимое ее сумки. Среди всякого барахла нашел там несколько маленьких шприцов в упаковках, а также коричневую ампулу с названием «Буторфанол». В интернете я почитал аннотации к этому препарату, и мои опасения относительно Киры подтвердились. Это было сильное обезболивающее, схожее с морфином, на котором сидят наркоманы за неимением средств на покупку дорогих наркотиков, типа героина. Буторфанол при его безмерном применении вызывал поражение почек и печени, а в дальнейшем – закупоривание сосудов и отмирание конечностей.

– Обещай, что больше не будешь встречаться с этими ублюдками, – риторически предложил я Кире, когда она вышла из душа.

– Хорошо.

– На чем они сидят?

– В смысле?

– Ты понимаешь, о чем я, Кира. Хватит притворяться!

– Ну, бывает, мак варят.

– А ты? Тоже кололась?

– Нет.

– Серьезно? Врач сказал, что у тебя органы посажены наркотой. Ты понимаешь, чем тебе это грозит?

– Ну, пробовала пару раз – это не мое. Я только курю, и то – брошу. Обещаю! Ты же для меня столько сделал, и я постараюсь измениться. Честно!

– Хотелось бы верить. Просто когда ты собирала вещи там, на квартире, я видел у тебя шприц с коричневой ампулой. Это что?

Кира смутилась и посмотрела в коридор, где лежала ее сумка.

– Это обезболивающее. У меня голова просто болела, врач прописывал еще давно, вот и осталась.

– Зачем ты врешь, Кира? Скажи честно!

– Да честно, обезболивающее это! Что пристал? В сумке моей ковырялся? Тебе спасибо, конечно, за все, но, может, хватит меня носом тыкать везде как котенка?! Я стараюсь! Стараюсь быть такой, как ты хочешь. Но мне не просто вот так взять и все изменить! – выкрикнула она и заплакала.

Я подсел рядом и обнял ее. Кира уткнулась носом в мою грудь, закрыв глаза рукой, и нервно всхлипывала. Я провел ладонью по ее струящимся волосам, от них вкусно пахло облепиховым шампунем.

– Кирочка, ты извини, что ругаюсь. Но я хочу как лучше, чтобы все не пропало даром. Понимаешь? Ты сейчас заживешь самостоятельно, у тебя будет работа. Подлечишься, спортом займешься. Хочешь, на велосипедах будем вместе по выходным кататься? Ты красивая и неглупая, непременно найдешь хорошего молодого человека. Переедешь к нему, поженитесь, детей родите. Все в твоих руках. Понимаешь? Только в твоих. Я просто указал тебе путь и хочу, чтобы у тебя все получилось, и чтобы никто не испортил начатое.

Губы Киры коснулись моих. Я замолчал и машинально захотел прижать ее к себе крепче и поцеловать в ответ, но не решился: растерялся и застыл как истукан. Она открыла заплаканные глаза, еще раз поцеловала меня, но уже в щеку и, прошептав «Спасибо», ушла в ванную.

В ту ночь я долго не мог уснуть. В мыслях кружились события минувшего дня и не давали покоя. Еще я ждал, что Кира придет ко мне в комнату, но она так и не пришла: похоже, что быстро уснула. Хотел пойти к ней сам, но не решился: сомневался, правильно ли это, хочу ли я, нужно ли это мне.

Утром следующего дня я отвез Киру в магазин, – это был первый день ее стажировки. На работу сильно опоздал. Воспользовался классической отмазкой и соврал начальству, что простоял в пробках. Периодически я переписывался с Кирой, спрашивал, как у нее дела, и даже позвонил хозяину магазина, убедившись, что она на месте и с ней все в порядке.

Вечером я заехал за Кирой. Мы купили ей все необходимое для самостоятельного проживания и перевезли все ее вещи в общежитие, где она и осталась. Честно говоря, мне было грустно отпускать ее. Пусть я и собирался еще какое-то время видеться с ней, помогать деньгами и советом, но в душе было смутное опустошение, словно бросаю ее, только успев привязаться и привязав ее к себе. Она явно была влюблена. Или моему самолюбию так казалось. Между нами так ничего и не было, и уже, видимо, не суждено было чему-нибудь быть. Я не хотел этого. Не собирался привыкать к ней и не желал, чтобы ко мне привыкала она. Мне хватило одной первой жены, чтобы потом год выходить из запоя. Хватит. Сердце лучше держать закрытым, чтобы никакие глупые чувства из романтических книжек не окунали тебя очередной раз в грязь и безысходность. У всех этих любовных историй красивое начало и одинаковый конец, так что эта песня не для меня. А я уже начал было питать чувства к Кире... Пора было это заканчивать.

И я решил оставить ее в покое. На несколько дней. Я вернулся к привычному ритму жизни и увяз в работе.

Кира позвонила сама. Через пару дней. Предложила встретиться. Она приехала ко мне вечером после работы. Рассказала о себе. О том, что прописанные лекарства регулярно принимает, и ей стало намного лучше. На работе она стоит на кассе, а также раскладывает товары. Владелец магазина ей во всем помогает и обучает работе, так, чтобы потом она могла справиться без него. Курить практически бросила. В общежитии ее все устроило, с соседями подру-

жила. Начала учиться готовить, а раньше этим никогда не занималась. Попросила денег на продукты.

Мы попили чай. Я похвалил ее и сказал, что очень рад ее успехам, и что это только начало, – у нее все впереди. Мы договорились, что на выходных возьмем для нее велосипед в аренду и покатаемся в парке. Спорт поможет быстрее бросить курить. Я дал Кире немного денег, и она ушла.

В тот день я был доволен. Меня уже не тяготила привязанность, я испытывал к Кире исключительно отцовские назидательные чувства. Это был словно мой экспериментальный проект, который я, как мне казалось, успешно реализовал. Мои старания не прошли даром, и денег, которые я потратил на Киру из своих зачатков, было абсолютно не жалко. Девочка изменилась в лучшую сторону, а самое главное – в ее глазах было желание работать над собой. Воодушевленный этими мыслями, я углубился в работу.

В конце недели Кира снова попросила о встрече. Мы пересеклись в кафе, недалеко от ее общежития. За чашечкой кофе она снова попросила у меня деньги. Не то, чтобы мне было жалко, но по моим подсчетам она тратила на продукты больше, чем я.

– Кира, тебе пора научиться самостоятельно рассчитывать свой бюджет, – сказал я, дружелюбно улыбнувшись. – Я дам тебе денег, но это будет последний раз, до твоей зарплаты. Ты должна понимать, что я не бездонная бочка, и тебе нужно становиться самостоятельной. Учись экономить: не ходи по кафе, а готовь сама; не трать деньги на вещи, без которых можно обойтись. Когда станешь получать зарплату, также распределяй ее на весь месяц. Захочешь получать больше – придется учиться, искать другую работу. Попробуй поступить в училище на бюджет, запишись на какие-нибудь курсы. Деньги сами не прилипают, их нужно зарабатывать. Для этого нужно получать опыт, развиваться, в каком направлении – должна решать ты. Не сиди на месте, не жди никого, теперь все в твоих руках. Когда ты станешь самостоятельной, обязательно встретишь парня, который тебя полюбит, и с которым вы будете дальше развиваться вместе. А там: дом, быт, семья, уже другие заботы; и ты забудешь свою прежнюю жизнь как страшный сон.

– А ты не хотел бы стать тем парнем? – грустно спросила она.

– Кир, я старше на десяток лет, да и потом, уже был женат. Мне это не нужно.

– А почему вы развелись?

– Так бывает, люди расходятся, когда заканчивается конфетно-букетный период. Одни это сразу понимают, что дальше ничего не выйдет, другие – через пять лет совместной жизни, а кто-то успевает и детей завести, а это уже намного сложнее.

– А если и у меня так будет?

– У тебя будет ровно так, как ты захочешь. Все зависит от тебя, а не от случайных обстоятельств. Не жди, что кто-то снова свалится с небес на землю, как я, и будет помогать. Такое бывает раз в сто лет и то, не со всеми.

– Хорошо, я справлюсь, – ответила Кира. – Ну, я пойду?

– Да, держи немного денег до зарплаты. Это все. Без обид?

– Без обид.

Девушке мои нравоучения не очень понравились. Она взяла деньги, чмокнула меня в щеку и ушла.

В выходные я планировал покататься с Кирой на велосипедах, но она не ответила на телефон и не перезвонила. Поначалу я хотел доехать до общежития, но потом решил, что самое время сокращать дистанцию. Девочке пора отвыкнуть от меня и учиться жить самостоятельно. Иначе она никогда не найдет одинокого москвича, не знающего ее прошлого. Захочет – сама позвонит. И она позвонила. Позвонила в дверь в понедельник вечером. Вид у Киры был удрученный. Я пригласил ее на кухню, угостил чаем. Она старалась не смотреть на меня, постоянно отводила взгляд, словно что-то натворила.

- Я потеряла телефон, – сказала она.
- Новый, который я покупал?
- Да.
- И как это произошло?
- Не знаю, в магазине лежал на витрине. Может, кто украл из посетителей.
- Видеокамеры есть там?
- Нет.
- В полицию сообщала?
- Да смысл? Даже не знаю, в какое время, вечером только опомнилась.
- Внимательнее нужно к вещам относиться. Пользуйся старым, потом купишь новый, как заработаешь.
- Саш, может, дашь в долг до зарплаты на телефон? Старый не работает совсем.
- Кир, так ничего не получится. Либо я тебя содержу и везде бегаю за тобой, как за маленькой, либо ты начинаешь жить самостоятельно и нести ответственность за все, что с тобой происходит.

Кира опустила взгляд вниз и печально сжала губы. Я сходил в коридор и вернулся со старым кнопочным телефоном и зарядкой для него.

– Могу дать тебе на время вот такой. Сам пользовался одно время. С зарплаты купишь дешевый смартфон, а потом, со временем, заработаешь на нормальный.

Кира убрала телефон с зарядкой в сумку. Мы немного поболтали на отвлеченные темы, допили чай, и она ушла.

Всю неделю я не звонил ей. Она тоже молчала. На душе оставался какой-то неприятный осадок. Хотелось встретиться с Кирой и пожалеть ее. Слишком уж чувствительным я стал. Ведь сделал и так слишком много для нее, что, в принципе, не обязан был делать.

В пятницу я стал звонить Кире, но ее телефоны, как новый, так и старый, были отключены. На душе вновь возникло неприятное предчувствие, и я решил заехать к ней на работу. К моему удивлению там я встретил только владельца магазина, который сообщил, что Кира не появляется со вторника, при этом, в понедельник она попросила аванс, который он ей выдал, а после ее ухода обнаружилась крупная недостача в кассе. Со слов владельца магазина, в понедельник, когда Кира получила аванс, она целый день переписывалась с кем-то в смартфоне, уходила она с ним же, тихо с кем-то разговаривая. Но вечером того же дня она приходила ко мне и врала, что телефон украли в магазине... Кира!!!

Опустошенный, я вернулся домой и проверил шкатулку в коридоре, где обычно складывал наличные для карманных расходов. Шкатулка оказалась пуста. Никто, кроме Киры не мог их взять. Видимо, она успела вытащить их, когда приходила последний раз кланчить деньги на покупку нового телефона. Может, еще и дубликаты ключей успела сделать. Надо было замки поменять. Пусть в шкатулке и было немного денег, но сам факт... Я не верил глазам и ушам. Ну почему так?

Утром я поехал в общежитие. Девушки там не было. В ее комнате жили уже другие люди. Комендант сказал, что она съехала еще в понедельник. Так Кира пропала.

Все выходные я катался на велосипеде. Обычно это отвлекает от проблем и разгружает голову, но мысли о Кире ее не покидали. К вечеру воскресенья, после очередной многочасовой велопробежки, я вошел в свою квартиру, принял контрастный душ и грохнулся на кровать. Я решил ее не искать. Зачем? Для чего? Весь мой план оказался провальным. Я проиграл. Не знаю, кому: судьбе, богу, собственному достоинству... Но я пытался. Делал, что мог. И хватит об этом. Я решил просто отпустить человека и жить дальше. Пускай теперь существует где-то без меня, сама, как хочет. Она сделала свой выбор. Все.

С тех пор прошло полгода. Выпал снег. Я совсем забыл про Киру. Иногда период знакомства с ней я вспоминал как часть какого-то нелепого сна или словно кадры из малоизвестного артхаусного кино. И даже эти редкие воспоминания перестали меня посещать после того, как я встретил Ольгу. Нет, это не была очередная попытка с моей стороны расплескать свою добродетель на очередную наркоманку. Ольга была моей ровесницей, из обеспеченной семьи, имела собственную квартиру. Мы познакомились с ней на работе, и вот уже как месяц она жила у меня. Да, после развода я не хотел никаких повторных длительных отношений, привязанности и прочего, но общение с Кирой, видимо, перезагрузило меня. Возраст уже неминуемо летел к четвертому десятку, и всю мою самодостаточность и желание быть независимым одиноким волком переборол инстинкт размножения. Теперь мне безумно хотелось детей, хотелось, чтобы кто-то ждал меня вечером дома, чтобы кому-то я мог передать свой опыт. Одни приходят к этому в двадцать лет, другие в сорок. Меня вот осенило в тридцать один. Конечно, рано было говорить о семье, но мы Ольгой явно подходили друг другу. С годами начинаешь наперед видеть людей.

Субботним утром мы с Ольгой пили кофе на кухне и готовились к поездке по супермаркетам, чтобы подготовиться к наступающему Новому году. Я ожидал доставку подарка для мамы, который заказал через интернет-магазин. Когда раздался звонок в дверь, я накинул тапки и, оставив Ольгу на кухне, вышел в коридор.

На пороге стояла Кира. Я не сразу узнал ее в нелепом оборванном пуховике с накинутым на голову капюшоном, из-под которого торчали локоны невымытых волос. Лицо ее осунулось и местами было покрасневшим, то ли от мороза, то ли от проблем со здоровьем. Я застыл и смотрел на нее, не веря в то, что это она. Стоит здесь, на пороге. Погуляла, вернулась. Как ни в чем не бывало. Виновато подняв взгляд, Кира тихо произнесла:

– Привет.

– Привет, – ответил я, смутившись. – Зачем ты здесь?

– Попросить прощения. Прости меня.

Кира протянула ко мне руки, пытаясь обнять, но я остановил ее.

– Я на тебя не злюсь. Незачем было приходить.

– Правда, не злишься? Саш, помоги мне, пожалуйста, как в прошлый раз. Ты ведь помог мне. На этот раз все будет по-другому. Я не вру, честно. Я изменилась. Я буду другой. Пожалуйста! Я буду слушать все, что ты скажешь! Я готова к другой жизни.

– Остановись...

– Нет, Саш, пожалуйста! Хочешь, я буду готовить тебе, стирать, гладить? Буду ублажать тебя, когда тебе вздумается, а если хочешь, в общежитии буду жить, только не бросай.

– Уходи.

– Что?

– Кира, уходи. У тебя был шанс. На этом все. Прощай.

– Саш, кто там? – послышался голос Ольги с кухни.

Кира презрительно посмотрела на меня.

– А-а-а, нашел себе новую соержанку?

– Ты еще смеешь хамить мне? Уходи и забудь сюда дорогу!

– Ладно, – Кира насупила лицо и попыталась выдавить слезу. – Не надо ничего, просто одолжи мне пару тысяч. Я верну в январе, у меня работа, честно. Маме на подарок не хватает.

– Кира, хватит! Прощай, – сказал я и закрыл перед ней дверь.

Я посмотрел в глазок, хотел убедиться в том, что она уйдет. Кира со злой гримасой на лице направила на дверь сжатый кулак с вытянутым средним пальцем и вызвала лифт.

– Это не доставка? – спросила Ольга, когда я вернулся на кухню.

– Нет, опять счетчики предлагают поменять, – махнул рукой я.

Хотелось рассказать Ольге про Киру, но боялся, что поймет неправильно. В то же время, объяснять будет сложнее, если эта девка начнет открыто меня преследовать. В те минуты меня, как мальчишку, пугали мысли о том, что может вытворить Кира. Вдруг она будет стоять возле подъезда и караулить? Ольга мне была так дорога, и было бы глупо разругаться с ней из-за сумасшедшей наркоманки, вернувшейся из склепа прошлого. Лучше было бы рассказать, но я так и не решился.

Через полчаса приехал курьер. Я забрал доставку, и мы с Ольгой стали собираться по магазинам. Я максимально откладывал время выхода, опасаясь, что призрак прошлого будет ждать на этаже или возле подъезда, замыслив какую-нибудь глупость. Но мои опасения были напрасны: ни в подъезде, ни на улице Киры не было. Лишь лобовое стекло моей машины, покрытое паутиной обильных трещин, оказалось смятым и вдавленным внутрь салона; на капоте лежал увесистый обледенелый булыжник. Вся эта картина была припорошена падающими с неба снежинками: они красочно мерцали в утренних лучах декабрьского солнца и предвещали долгожданные новогодние праздники.

Семья из рекламы майонеза

Детство пролетает глупо, юность проходит бессмысленно. Скитаетесь годами в поисках себя, меняете круг общения, привычки, работу, падаете духом... А потом вдруг резко все меняется: вы счастливы, влюблены, жизнь окрашивается яркими цветами, мир вокруг дарит все, что пожелаете, и кажется – больше уж и нечего желать. С вами такое случилось?

Меня зовут Иван Иванович Петров. Довольно распространенная комбинация имени, фамилии и отчества, и в то же время настолько приевшаяся, что когда я представляюсь, люди думают, что я выдумал ее из головы, скрывая свои настоящие данные. Мне такие сочетания имен и фамилий сразу напоминают американские боевики девяностых, где главным советским шпионом или русским бандитом выступал обязательно какой-нибудь Иван Петров или Петр Иванов. Их имена англоязычные актеры всегда произносили с характерным акцентом: «Иувян Пэтрофф», – что я находил весьма забавным. Думаю, наш акцент при немецком произношении в старых военных фильмах для носителей языка звучал также нелепо, хотя, вряд ли они их смотрели. Впрочем, я отвлекся, ведь совсем не этими мыслями хотел поделиться с вами.

Я родился и вырос в маленьком городке Ленинградской области, неподалеку от Северной столицы. В семье я был единственным ребенком. Родители мои – советские инженеры, зарабатывали немного, как все, и проживали в коммунальной квартире, где занимали всего одну комнату. Первые шесть лет моей жизни прошли в той самой коммуналке. То время я практически не запомнил. В обрывках памяти отложился вид грязного облупленного паркета и ободранных пожелтевших обоев. Еще помню пьяных соседей, их матерную ругань, отвратно пахнущие пепельницы и развешанное по всем углам белье. Все это в юном возрасте не мешало быть счастливым, ведь родители были рядом, в комнате для меня всегда были игрушки, а на Новый год наряжалась елка.

Особенно мне запомнились «чистые субботы» – так называли их родители. В такие дни с утра до вечера отец и мать занимались стиркой белья, а также капитальной уборкой комнаты. В коммуналке не было места для стиральной машины, поэтому стирали в тазах. С другими жильцами коммуналки родители каждый месяц согласовывали график уборки общих помещений и использования ванной комнаты для стирки, но договоренности эти зачастую не соблюдались. Мама часто ругалась с соседями по этому поводу, а отец же, напротив, старался сохранять нейтралитет, избегая острых конфронтаций. Он всегда пытался убедить маму в том, что свои права отстаивать, определенно, необходимо, но не нужно все доводить до состояния вражды, в ходе которой соседи будут подкидывать мусор в нашу кастрюлю с супом или устраивать еще какие-нибудь гадости, – на это они вполне были способны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.